

Руфин. Жизнь пустынных отцев

- [Пролог](#)
- [О святом Иоанне](#)
- [Об Оре](#)
- [Об Аммоне](#)
- [О Бене](#)
- [Оксиринх](#)
- [О Феоне](#)
- [Об Аполлонии](#)
- [Об Аммоне](#)
- [О пресвитере Коприи и Патермуфии](#)
- [Об авве Сире, Исани, Павле и Ануфе](#)
- [О Гелене](#)
- [Об Или](#)
- [О Питирионе](#)
- [Об авве Евлогии](#)
- [О пресвитере Апеллии и об Иоанне](#)
- [О Пафнугии](#)
- [О монастыре аввы Исидора](#)
- [О пресвитере Серапионе](#)
- [Об иноке и мученике Аполлонии](#)
- [О пресвитере Диоскоре](#)
- [О Нитрийских отшельниках](#)
- [О местности, носящей название "Келии"](#)
- [Об Аммонии](#)
- [О Дидиме](#)
- [О Хронии](#)
- [Об Оригене](#)
- [Об Евагрии](#)
- [О двух Макариях и прежде всего о Макарии Египетском](#)
- [О Макарии Александрийском](#)
- [Об Аммоне](#)
- [О Павле препростом](#)
- [О пресвитере Пиаммоне](#)
- [Об Иоанне](#)
- [Эпилог. О трудностях путешествия по пустыням](#)

Пролог.

Благословен Бог, Иже всем человекам хочет спастися и в разум истины прийти! (1 Тим. 11,2). Он направил стопы наши в Египет, и явил нам много досточудного для назидания грядущих родов, да из созерцания сего породится не только побуждение к спасительным подвигам, но предстанет пред очами всех живой пример спасения и полезнейшее наставление к благочестию. Все это для желающих вступить на путь добродетельной жизни откроет, по доверию к прежним подвигам, обширнейшую стезю.

Увы! мы не имеем достаточно силы для того, чтобы достойно поведать о столь великих подвигах. Недостойным представляется нам, если ничтожные и незначительные писатели возьмутся за описание великих дел и начнут простым языком говорить о возвышенных добродетелях. Но любовь братьев, обитающих на святой горе Елеонской, настойчиво побуждает нас изобразить жизнь египетских иноков, их духовное совершенство, их благочестивые подвиги и твердость в воздержании - все, что мы сами видели. Уповая на молитвенную помощь об этом, мы приступим к нашему труду не из желания прославиться красноречием, но в надежде на то, что наш рассказ принесет назидание читателям. Авось кто-либо, возгоревшись духом при созерцании примеров подвигов, возбудится к тому, чтобы отвращаться от соблазнов мира, искать мира душевного и упражнения в благочестии.

Видел я, воистину видел сокровище Христово, сокрытое в человеческих сосудах. Не буду подобен завистливому, не скрою обретенного сокровища, но изнесу его на свет Божий и сделаю общим достоянием. Я хорошо знаю, что чем большее число людей обогатится им, тем более выгоды для меня: ведь и я обогащусь, если спасение других будет мне желанной наградой за мой труд.

Приступая к повествованию, прежде всего, будем просить благодатной помощи Господа нашего Иисуса Христа, Его же силою совершаются иноками Египта все подвиги благочестия. Да, я видел в Египте отцов, живущих на земле и проводящих жизнь небесную, и новых неких пророков, воодушевленных как добродетелями душевными, так и даром пророчества, о достоинстве которых свидетельствует дар знамений и чудотворений. В самом деле, почему тем, которые не стремятся ни к чему земному, плотскому, не воспринять небесной силы? Некоторые из них так свободны от всякой мысли о пороке, что забывают, было ли в мире что злое. Таков мир души их, такова благодать, что воистину о них можно сказать: мир мног любящим закон Твой, Господи! (Пс. 118,165).

Они обитают в пустыне, рассеянные и разделенные по келиям, но соединенные любовью. Разделяются жилищами для того, чтобы никакой звук, никакая встреча, никакой праздный разговор не возмущали наслаждающихся покоем безмолвия и священной сосредоточенности ума. Собравши ум, каждый в своем месте, ожидают пришествия Христа, как благоносного Отца или как воины в лагере - прибытия императора, или как рыбы - прихода господина, обещавшего дать им свободу и награду. Все они нисколько не заботятся о пище или об одежде и тому подобном. Ибо знают слово Писания: всех сих языцы ищут (Мф. 6,32). Они же ищут правды и царствия Божия, и все это, по обещанию Спасителя, прилагается им.

А если, в конце концов, многие из них почувствуют нужду в чем либо необходимом для тела, прибегают не к людям, но, обратясь к Богу с просьбою, как к Отцу, получают просимое, потому что такова у них вера, что могут и горы переставлять. Поэтому некоторые из них молитвою останавливали стремительность рек, угрожающую затопить соседние селения, переходили по воде как по суше, укрощали лютых зверей и совершали многие и бесчисленные чудеса, напоминающие чудотворения пророков и апостолов, так что нельзя сомневаться в том, что их добродетелями стоит мир.

И что всего изумительнее: хотя все превосходное редко и трудно, - их и по числу много, и по добродетелям они несравненны. Одни из них живут вблизи городов, другие в селениях, многие рассеяны по пустыне как бы некое небесное воинство, опоясанное на брань, стоящее в лагере, всегда готовое к исполнению повелений царя; сражаясь оружием молитв и защищаясь от ударов врага щитом веры, стараются стяжать себе небесное царство. Они украшены добрыми нравами, миром, тихи, покойны и связаны союзом любви, как бы близкие родные. Они состязаются друг с другом только в стремлении к совершенству. Каждый стремится быть более снисходительным, кротким, любвеобильным, смиренным и терпеливым. Если из них кто-нибудь мудрее, то он так прост со всеми, что, по заповеди Господа, кажется меньшим всех и слугою всех.

Так как, по благодати Божией, я сподобился видеть их и беседовать с ними, попытаюсь рассказать о каждом в отдельности, что приведет мне на память Господь, дабы те, которые не видели их, узнали об их подвигах и, составляя из чтения понятие о совершенной жизни, побуждались к подражанию святым подвигам и стяжали пальму совершенной мудрости и терпения.

О святом Иоанне.

В самом начале нашего повествования поставим как крепкое основание образец всех добродетелей - Иоанна. Воистину он и один с избытком силен возвести благочестивые и посвятившие себя Богу души на вершину добродетели и возбуждать их к совершенству. Мы видели его в Фиваидской области, в пустыне, близ города Ликоса. Он жил на скале высокой горы. Подниматься к нему очень трудно. Вход в обитель загорожен наглухо, и с сорокалетнего возраста до девяностолетнего, какой он имел во время нашего посещения, никто не проникал в его уединение. Посетителям можно было видеть его через оконце, и он изнутри давал ответы, изрекая слово Божие в назидание души или, по мере надобности, подавая утешение. Из женщин никто не был там, даже и для одного лицемерия, да и мужчины то допускались редко, и то в известное время. Впрочем, он дозволил устроить вне места своего уединения келью для посетителей: приходившие из дальних стран могли там немного отдохнуть. Сам же он пребывал лишь в Боге, ни днем, ни ночью не удаляясь от молитвенной беседы с Ним. Такой Божественный и непостижимый дар стяжал он всецелой чистотою души! И чем более он удалялся мирской суеты и мирских бесед, тем больше приближался к Богу. И достиг он, наконец, такой душевной ясности, что знал не только о том, что происходит в свете, но удостоился предвидения и будущего. Господь явно ниспослал ему дар пророчества. Не только своим согражданам и землякам, при вопросах с их стороны, предрекал будущее, но часто предсказывал и самому императору Феодосию - то предстоявшие ему войны, то - каким образом ему одержать победы над тиранами, то вражеские нашествия, какие ему придется выдержать.

Кирена была крайним городом Фиваиды со стороны Эфиопии. Однажды близ этого города племя эфиопов напало на отряд римского войска и нанесло жестокое поражение нашим, награвив при этом большую добычу. Римский вождь пришел к Иоанну. Он не решился сразиться с варварами по малочисленности своего отряда, между тем как варваров была несметная толпа. Иоанн назначил военачальнику определенный день.

- Ступай спокойно: в указанный мною день ты поразишь неприятеля, отнимешь трофеи и вернешь награбленное.

Все это исполнилось. Военачальник донес обо всем императору, который, вследствие этого, и стал благоволить к Иоанну и почитать его. Сам же он не своим заслугам приписывал дар пророчества, но более - вере вопрошавших.

- Не ради меня, - говаривал, - но ради тех, кто слушает меня, Господь открывает будущее.

Вот еще другое достохвальное знамение, явленное Господом через него. Отправляясь в поход, один трибун пришел к нему и начал просить о дозволении его жене прийти к Иоанну.

- Скольким опасностям, говорил трибун, она подвергалась из-за того, чтобы видеть лице твое!

Святой отказал.

- У меня и раньше никогда не было в обычае смотреть на женщину, а теперь - с тех пор, как я заключился в уединении на этой скале - и тем более ...

Трибун, однако, сильно настаивал на сей просьбе.

- Если моя жена не увидит тебя, - уверял он, - она, наверное, умрет от сильной тоски.

И снова несколько раз принимался просить святого мужа, говоря ему, что он будет причиною смерти его жены, которая найдет гибель там, где искала спасения.

Старец видел, что столь сильная вера являлась уже как бы несчастием.

- Ступай, - ответил он, - твоя жена увидит меня в эту ночь. Только пусть она не приходит сюда, а останется дома на своем ложе.

Выслушав это, посетитель удалился, размышляя в душе о загадочном ответе. Однако жена его несколько не смутилась. И вот во время сна человек Божий предстал ей в видении...

- О жено, велия вера твоя! - сказал он, - и вот я пришел исполнить твое желание. Однако советую тебе - не стремись видеть плотское лице рабов Божиих, но старайся в духе созерцать их деяния и подвиги. Дух есть, иже оживляет, плоть не пользует ничтоже (Иоан. 7,63). Я же - ни праведник, ни пророк, как ты думаешь, но по вере вашей предстательствовал за вас пред Господом, и Он даровал тебе исцеление от всех твоих телесных недугов. Отселе здравы будете - ты и муж твой, и благословится весь дом ваш. А вы, со своей стороны, помните о явленном вам Божиим благодеянии. Пребывая постоянно в страхе Божиим, довольствуйтесь своим жалованием и не ищите большего... Достаточно для тебя, что увидела меня во сне, и о большем не хлопочи...

Пробудившись, жена поведала мужу о всем виденном и слышанном во сне, причем описала стан, лицо и все признаки старца. Изумленный муж, придя еще раз к человеку Божию, воздал хвалу Богу и, получив благословение, удалился с миром.

В другое время пришел к нему один военачальник. Дома у него осталась беременная жена. В самый день посещения блаженного Иоанна жена военачальника, разрешившись от бремени, опасно занемогла. Человек Божий сказал ему:

- О, если бы ты знал дар Божий, ты вознес бы благодарность Богу: сегодня у тебя родился сын. Однако знай, что твоя жена опасно занемогла, но Господь не оставит ее, и ты найдешь ее уже здоровою. Поспеш же возвращением домой - ты найдешь младенца семи дней от рождения и назовешь его Иоанном. В течении семи лет воспитывай его дома, охраняя от всякого влияния язычества, а затем поручи его инокам для обучения святым и божественным познаниям.

Сверх того, кто бы ни приходил к нему - земляки ли или из других провинций - он, смотря по нуждам, открывал им сердечные их тайны. Если у кого-нибудь был на совести в тайне совершенный грех, он наедине обличал и побуждал к исправлению и раскаянию.

Угрожало ли чрезмерное разлитие Нила, или предстоял недостаток в воде - он предвещал об этом. Точно так же предостерегал, если грозила за грехи людские кара и казнь от Бога, причем ясно указывал и на причину небесного наказания. Здравие и исцеление больным он возвращал так, что при этом избегал всякого тщеславия, не допуская иногда приносить недужных к себе: благословив елей, он посылал его больным, и, помазываясь им, они исцелялись от всякого недуга.

Однажды у какого-то сенатора жена потеряла зрение. Она стала просить мужа, чтобы он отвез ее к человеку Божию. Муж отвечал, что он не принимает женщин. Тогда жена просила, чтобы муж по крайней мере объяснил ему то, чем она больна, и испросил бы его молитв за нее. Муж отправил посольство к Иоанну. Помолившись и благословив елей, человек Божий послал его к больной. Та в течение трех дней мазала елеем глаза свои и, снова получив зрение, воздала хвалу Богу. Но слишком много времени понадобилось бы на то, чтобы рассказать деяния Иоанна. Поэтому, отпустив то, о чем мы узнали от других, перейдем к тому, чему сами были очевидцами.

Нас семеро спутников пришли к нему. После обычных приветствий, он принял нас с радостью и благодушно поговорил с каждым из нас. А мы просили его помолиться его вместе с нами и преподать нам благословение. Таков обычай в Египте: новоприбывшие братия немедленно вступают во взаимное общение чрез молитву. Иоанн спросил, нет ли кого между нами носящего духовный сан. Мы все заявили, что нет. Окинув взором каждого, он узнал, что один был из этого чина, но желал скрыть свое звание. Действительно один был диакон, но об этом никто из спутников не знал, кроме одного, особенно близкого к нему. Желая видеть столь многих великих мужей, он ради смирения хотел скрыть честь своего сана, чтобы и по сану оказаться ниже тех, кого он считал выше себя по заслугам. Лишь только взглянув на него святой Иоанн, несмотря на то, что он был моложе других, указал на него пальцем.

- Вот диакон!

Тот пытался было отказаться от сана.

Взяв его своей рукой, Иоанн облобызал его со словами:

- Чадо, не отрекайся от благодати Божией, чтобы вместо добра не впасть тебе во зло, вместо смирения - в ложь. Более всего следует остерегаться лжи, с какой бы целью она не произносилась - с дурной или, по-видимому, с доброй, потому что всякая ложь не от Бога, но, по слову Спасителя, от лукавого.

Выслушав это, брат перестал отпираться и благодушно принял ласковый упрек.

Затем мы вознесли молитву Богу. При самом окончании ее один из нашей братии почувствовал припадок мучившей его перемежающейся лихорадки и стал просить человека Божия об исцелении.

- Ты просишь об избавлении тебя от того, что тебе необходимо, - возразил святой. Тела очищаются от струпов селитрой и другими подобными врачествами, а души - болезнями и другими очистительными наказаниями...

И долго после того таинственно рассуждал с нами об этом предмете. Однако, благословив елей, он подал его больному, и тот, помазавшись елеем, тотчас же извергнул все накопление желчи. Совершенно здоровым он сам дошел до вышеупомянутого убежища.

Потом старец позаботился об исполнении по отношению к нам долга человеколюбия и гостеприимства и о доставлении нам телесного подкрепления. Нисколько не думая о себе, он заботился лишь об нас... Вследствие долговременной привычки и навыка к посту, он мог принимать пищу только вечером, и то немного. От строгого воздержания тело его истончилось, было сухо. Волос на голове и бороде было немного, как бы после сильной болезни, - никогда ведь он не принимал пищи в достаточном количестве и не пил никакой возбуждающей влаги. Даже при своем девяностолетнем возрасте (о чем было сказано выше) он не принимал никакой пищи, приготовленной на огне... После нашего отдыха и подкрепления, снова показавшись, он пригласил нас сесть подле себя. Мы были в восторге от того, что он принял нас с сердечной радостью, как родных детей. Только теперь он спросил нас, откуда мы и зачем пришли к нему. Мы отвечали, что пришли к нему из Иерусалима ради пользы души и дальнейшего возрастания в духовном совершенстве. То, о чем давно знали по слуху, мы желали видеть своими глазами. Гораздо глубже и крепче держится в памяти не то, о чем слышишь, но то, что сам видел... Тогда с невыразимым спокойствием на лице и тихо улыбнувшись, как бы от полноты духовной радости, старец ответил нам:

- Диво для меня, дорогие чада, что вы из-за этого предприняли подвиг столь трудного путешествия... Ничего достойного такого труда вы не найдете во мне. Я - простой и незначительный человек, и ничего нет во мне такого, чтобы стремиться ко мне, а тем более - удивляться... А если бы и было во мне что-либо, соответствующее вашему ожиданию, то таково ли оно, как то, что вы можете найти в пророках и апостолах? Потому писания их и читаются во всех церквах Божиих для того, чтобы, не отправляясь в дальние и чужие страны, каждый у себя дома имел высокие примеры для подражания. Потому-то я чрезвычайно удивляюсь вашему подвигу и усердию, что вы ради духовного преуспевания решились пройти так много стран и перенести так много труда, между тем как здесь лень и нерадение до того одолели нас, что не хочется выйти даже из келии. Если уж вы надеетесь получить какую-нибудь пользу от меня, прежде всего скажу вам: старайтесь не иметь даже вида какого-либо тщеславия из-за того, что вот вы пришли ко мне и перенесли так много трудов для того, чтобы повидать меня. Не пожелал бы кто-нибудь из вас не преуспевания души в добродетели, но превозношения и похвалы тем только, что вот де я видел тех, кого другие знают только по слуху.

Порок тщеславия тяжок и весьма опасен. Он низвергает душу даже с высот совершенства. Потому-то прежде всего я желал бы предостеречь вас от него. Это зло проявляется двояким образом: у иных оно проявляется при самом начале обращения к Богу. Покажут ли они сколько-нибудь воздержания или израсходуют сколько-нибудь денег на бедных - вместо того, что бы считать себя лишь отвергнувшими лишнюю похвату ко спасению, они уже воображают о своем превосходстве над теми, кому оказали помощь. Другой вид тщеславия проявляется на высших ступенях совершенства - это тогда, когда начинают приписывать все не Богу, но своим подвигам и усилиям. И такой человек, ища славы у людей, теряет славу, которая от Бога. Потому-то, милые чада, будем всячески избегать порока тщеславия, да не впадем в напасть, которой подвергся диавол.

Затем приложим все старание о нашем сердце и помышлениях. Здесь следует зорко смотреть, чтобы не попустили корней в нашем сердце какая-нибудь похоть, или нечистая склонность, или какое-либо пустое желание, противное воле Божией. Вот от этих-то корней немедленно начинают произрастать пустые и вредные помыслы. Они настолько бывают тягостны, что не оставляют нас в покое даже на молитве, не боятся возникать в душе тогда, когда мы станем пред лицом Божиим и возносим прошения о нашем спасении. Они овладевают пленною мыслию, и мы, стоя телом как будто на молитве, чувством и мыслию блуждаем и носимся по распутиям. Вот кто-нибудь подумал о себе, что он отрешился от мира и служению диаволу - ему недостаточно на словах только выразить, что он будто покинул любостыжательность, корысть и прочую суету мирскую. Нет, необходимо отказаться от порочности в душе и отбросить вредные и пустые наклонности. Об этом говорит апостол: впадают в похоти несмысленны и вреждающия, яже погружают человеки во всегубительство и погибель (1 Тим. 6,9).

Вот что значит отречься от диавола и дел его! Ведь диавол закрадывается к нам в сердце чрез какую-нибудь порочную наклонность или нечистое желание. Порочность - это его область, а добродетели - от Бога. Пороки, гнездясь в нашем сердце, дают в нем место диаволу, их первовиновнику, как бы хозяину, и вводят его во владение (сердцем), как бы своим достоянием. Вот причина, почему в таких сердцах не может быть ни мира, ни спокойствия. Всегда они возмущены, чем-нибудь поглощены - сегодня пустой радостью, завтра - гнетущей бесплодной печалью. В них живет ведь злейший обитатель, которому они дали место внутри себя своими страстями и пороками. Напротив, душа, действительно отрешаясь от мира, то есть, оторвавшая от себя всякую порочность, не дает уже диаволу никакого доступа внутрь себя. Она укрощает гнев, подавляет ярость, избегает лжи, гнушается ненависти и не только не злословит, но даже не позволяет и мыслить что-либо дурное в своем ближнем. Радость и горе брата она считает своими. Душа, соблюдающая это и другое, подобное этому, отверзает в себе место для Святого Духа. Если вселится в такую душу и озарит ее Святой Дух, в ней всегда пребывает радость, веселие, любовь, терпение, великодушие, кротость (Гал. 5,22) и все плоды Святого Духа. Это-то и есть то самое, о чем говорил Господь в Евангелии: не может древо добро плоды злы творити, ниже древо зло плоды добры творити. (Мф. 7,18). Древо познается по плодам своим.

Некоторые, по-видимому, и отреклись от мира, но, не заботясь о чистоте сердца, не вырывают из души пороков и не исправляют своего нрава. Вот такие-то и стараются только о том, чтобы увидать кого-нибудь из святых отцов и услышать от них какие-нибудь изречения, а потом начинают пересказывать другим, хвалясь тем, что вот узнали это от того-то и от того-то... Если случится им приобрести какие-нибудь познания или от других или, поучившись немного, они уже тотчас хотят быть учителями и учат - только не тому, что сами совершали над собой, но тому, что слышали или видели, и при этом презирают других.

Домогаются они и пресвитерства, стараются пробраться в клир, не зная того, что меньшему осуждению подвергнется тот, кто сам хотя бы и преуспевал в добродетели, но не решается учить других, нежели тот, кто поучает других добродетельной жизни, между тем как сам погряз в страстях и пороках. Так-то, чада мои... Я не говорю, что всячески следует избегать священства или духовного звания, равно как наоборот - не следует во что бы то ни стало искать его. Прежде всего, необходимо потрудиться над тем, чтобы исторгнуть порочность и привить душе добродетель. Божию смотрению следует предоставить, восхочет ли Бог и кого благословит избрать на служение Себе или для священства. Не хваляй бо себе, сей искусен, но его же Бог восхваляет (2 Кор. 10,18).

Главное дело инока - возносить чистую молитву Богу. Он не должен иметь на совести никакого упрека, по слову Господа в Евангелии: егда стоите молящися, отпушайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже на небесех, отпустит вам согрешения ваша (Марк. 11,25).

Итак, если мы предстанем пред Богом, как я выше сказал, с чистым сердцем, свободные от всех упомянутых пороков и страстей, мы можем, насколько это возможно, даже узреть Бога - молясь Ему, устремлять на Него око нашего сердца, и видеть Невидимого, конечно, не телесными очами, но духом - созерцанием души, а не телесным зрением. Да не подумает кто-либо, что он может видеть самую сущность Божию, как Бог есть Сам в Себе, так, чтобы мог представить себе, в своей душе, какое-либо очертание или образ, подобный какому-нибудь плотскому образу. Нельзя представить себе в Божестве ни формы, ни очертания. Он - чувство, разум, о Котором мы можем размышлять в глубине сердца, и Который проникает Собою нашу душу. Но Его нельзя обнять мыслию, ни описать, ни изобразить словом. Поэтому должно приближаться к Господу с возможным благоговением и страхом. Созерцание души должно держать на такой высоте, чтобы всегда сознавать Бога выше всевозможного блеска, света, сияния, величия, выше всего того, что только может изобразить разум человеческий, да и то при чистоте сердца, без малейшей примеси какой-либо скверны нечистого желания. Об этом-то и следует больше всего заботиться тем, которые выражают желание отречься от мира и служить Богу, как написано: упразднитеся и уразумеете, яко Аз есмь Бог (Пс. 45,11). Когда кто таким образом познает Бога, насколько это возможно для человека, тогда постигнет вместе с тем и все остальное, постигнет и тайны Божии, и чем чище будет душа его, тем больше откроет ему Бог, явит ему и тайны Свои. Он становится уже другом Божиим, наравне с теми, о которых сказал Спаситель: не к тому вас глаголю рабы, но други (Иоан. 15, 15). И все, что не попросит у Бога, дает ему Бог, как дорогому другу. И самые силы ангельские, и весь таинственный небесный мир возлюбят его, как друга Божия, и будут исполнять все прошения его. Это тот, кого уже не отлучит от любви Божией во Христе Иисусе ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни власти и никакое творение. Потому-то, возлюбленные, так как вы уже избрали жребий угождать Богу и стяжать любовь к Нему, постарайтесь удаляться от всякого тщеславия, от всех скверн душевных и от всех чувственных услаждений. И не считайте чувственными удовольствиями только те, которыми наслаждаются люди, преданные миру, нет! Такие удовольствия, поверьте, бывают и у хранящего воздержание, когда он употребляет что-либо с пристрастием, хотя бы предмет пристрастия сам по себе был ничтожным и во всегдашнем употреблении у воздержного. Возьмите наконец просто воду и хлеб... Если человек вкушает их с услаждением, то есть не для удовлетворения телесной потребности, но для услаждения души - даже и это для воздержного вменяется в грех чувственности... Необходимо во всем приобретать навык для освобождения души от порока. Потому-то Господь, желая научить душу противостоять своим пожеланиям и страстям, сказал: внидите узкими вратами, яко пространная врата и широкий путь вводя в пагубу (Мф. 7,13), узкая же врата и тесный путь вводя в живот (14). Просторный путь для души открывается тогда, когда она спешит удовлетворять каждому своему желанию; напротив, она избирает тесный путь, противясь своим влечениям. Впрочем к достижению сего способствует уединенный образ жизни, пустынное безмолвие, потому что при посещении братии, при множестве проходящих и уходящих, иногда ослабляется узда воздержания и умеренности, и затем неприметно укореняется навык и потребность в чувственных наслаждениях. Иногда таким образом даже и совершенные мужи попадают в сети. Потому, по слову Давида, се удалихся благая, и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури (Пс. 54,9).

Много говорил нам таким образом святой Иоанн о пороке тщеславия. После продолжительной многополезной беседы и о другом, в заключении он сказал:

- Теперь я скажу вам о том, что недавно еще случилось с одним из братии нашей. Примеры-то могут сделать вас еще более осторожными.

Жил тут у нас в соседней пустыне инок. Жилищем ему служила пещера. Это был муж великого воздержания, добывавший себе дневное пропитание трудом рук своих. Все время - день и ночь он проводил в молитве, словом - его украшали все добродетели души. Но возгордившись столь отрадными успехами, он стал уповать на свое мнимое совершенство, а не на единого Бога, и себе самому ставил в заслугу свои совершенства. Заметив такое превозношение духа, искуситель тотчас приступил к нему и расставил для него сети. Однажды, к вечеру, он является в виде прекрасной женщины, которая будто бы заблудилась в пустыне. Как бы утомленная после страшного труда, она подошла ко входу в пещеру. С видом крайнего изнеможения и усталости, вступив в пещеру, гостя бросается к ногам отшельника и умоляет сжалиться над нею.

- Я укрывалась в пустыне, но ночь застигла меня, несчастную...

Позволь мне отдохнуть в уголке твоей пещеры, чтобы не сделаться мне добычей зверей...

Под предлогом сострадания инок вводит ее в глубину пещеры.

- Зачем же ты блуждала по пустыне? - спросил ее отшельник.

Она ловко выдумала причину и, рассказывая, примешивала к речи тонкий яд ласкательства и женского обольщения. Выставляя себя то невинной, достойной сожаления жертвой, то выражая нужду в покровительстве, она очаровала душу отшельника изяществом и красотой речи. Мало помалу, пересыпая увлекательный разговор шуткой и смехом, она шаловливою рукой касалась подбородка и бороды инока, и это со скромным видом почтения, под конец уже все нежнее поглаживала его затылок и шею. Что же дальше?.. В конце концов воин Христов очутился в плену... В сердце его закипела страсть, забушевали волны плотской похоти... Позабыл он и свои подвиги, и свои обеты, и свое назначение...

Вот он в глубине сердца уже отдается сладострастной похоти, в тайниках своих помышлений уже - в преступной связи с нечистою страстью... Глупый, он наклоняет вью и становится, как конь и лошак, имже несть разума (Пс. 31,9). Вот он уже готов броситься в постыдные объятия, как вдруг женщина, подобно легкой тени, с ужасающим воплем исчезает из его объятий... Тогда множество злых духов слетелись на это зрелище, с громким воплем, со злыми насмешками:

- А... это ты, возносившийся до небес, теперь низринулся до ада!.. Теперь понимаешь слова: всяк возносяйся смирится!?. (Лук. 14, 11).

Тогда он, как бы помешавшись в уме, не вынося позора своего обольщения, обманывает сам себя еще сильнее, чем был обманут демонами. Вместо того, чтобы подумать о восстановлении своего духа, о возобновлении борьбы, вместо того, чтобы искупительными подвигами - слезами и сокрушением сердца изгладить вину прежнего превозношения - он, в отчаянии, предался, по слову Апостола, всякому нецеломудрию и неправде (Ефес. 4, 19). Вернувшись к мирской жизни, он сделался добычею диавола: теперь он избегает свидания со всеми святыми, чтобы кто-нибудь спасительными советами не извлек его из погибели. Разумеется, если бы он пожелал, как прежде, вести воздержную жизнь, он без сомнения возвратил бы прежнее достоинство и благодать.

Или - вот что еще произошло с другим мужем. Он подвергся подобному же искушению, но оно разрешилось другим исходом. В соседнем городе жил один человек, проводивший самую гнусную жизнь во всевозможных злодействах. Его считали зачинщиком во всех бесчинствах. Но вот однажды перст милосердного Бога коснулся его сердца, и он обратился к покаянию. Заключившись в погребальной пещере, он потоками слез омывал позор своих прежних злодеяний. Днем и ночью повергаясь лицом на землю, он не дерзал ни поднять очей к небу, ни произнести слова, ни изречь имени Божия... Слышны были только вопли и плач. Похоронивши себя как бы заживо, он точно из преисподней испускал вздохи и вопль сердца... Так провел он целую неделю. Вдруг к нему, в гробницу, являются злые духи с криком:

- Что это ты затеял, негодяй и распутник? Пресытившись всякой скверной и нечистотою, теперь ты захотел стать чистым и благочестивым?! Не поздно ли? Ты ведь состарился в пороках: у тебя уж и сил нет для того, чтобы загладить свои злодеяния... Вишь - прикинулся христианином, скромником, кающимся... Или ты воображаешь, что тебе, насквозь пропитанному злом, может быть дано какое-либо иное место, а - не одно с нами?! Ты ведь наш, и другим быть не можешь. Вернись-ка скорее, ступай к нам! Немного времени осталось у тебя - не теряй его, пользуйся им для наслаждений! Мы в изобилии приготовим для тебя радости жизни, доставим тебе прелестнейших красавиц, а так же и все то, что может возратить тебе свежесть цветущей юности. Зачем ты будешь изнурять себя попусту, понапрасну? Зачем прежде времени подвергаешь себя казни? Не то ли самое будешь терпеть в аду, чего ищешь теперь? Если уж тебе нравится кара, подожди немного - она уже уготована для тебя. Теперь-то, по крайней мере, не пренебрегай нашими дарами: ты ведь всегда находил в них удовольствие!

Вот так-то, да и еще хуже - они издевались над ним, а он лежал неподвижно: точно не слышал ничего, и хоть бы одно слово - в ответ им... Злые духи снова и снова повторяли то же самое, все усиливая свои соблазны. Инок был непоколебим. Демоны пришли в ярость, увидев полное пренебрежение... Всей толпой бросившись на инока, они подвергли его страшным побоям и, избив чуть не до смерти, исчезли. Страшно измученный, инок однако не тронулся с места, на котором простерся ради молитвы. На следующий день некоторые из близких ему людей, из расположения к нему, отыскивали его. Найдя его избитым до невероятия и расспросив о причине несчастья, стали упрашивать, чтобы он дозволил отнести его домой для поправления. Инок отказался и остался на том же месте. Злые духи и в следующую ночь напали на него, поражая еще страшнее, чем прежде. Инок и тогда не хотел оставить своего места.

- Лучше, говорил он, умереть, чем покориться и уступить демонам.

Настала третья ночь. Ринувшись на него несметной толпой, демоны без всякой пощады истощили над ним свою злобу всевозможными истязаниями. И самое тело его уже изнемогло в мучениях, но дух до конца противостоял насилию. Видя это, злые духи вскричали неистово:

- Победил нас, победил!

Гонимые как бы силою свыше, они стремглав бросились прочь от инока. Не было больше ни соблазнов, ни мучений...

Инок возвысился до такого совершенства духовного и, просветлев душою, исполнился такою силою Божией благодати, что вся область взирала на него, как бы на нисшедшего с неба, и считали его скорее за ангела. Все единогласно говорили о нем:

- Сия измена десницы Вышнего! (Пс. 76,11).

И как много было таких, которые по примеру его, отчаявшись в своем спасении, снова воодушевились упованием, принявшись за исправление себя, о чем прежде и подумать не смели! Как много было таких, которые со дна ада восстали и укрепились в добродетели! После перемены, происшедшей с ним, все уже казалось для них возможным. И не только он просиял своим исправлением и духовным совершенством, но и благодать Божия в изобилии почилла на нем. Знамения и чудеса, явленные им, ясно показали, какую милость нискал он у Бога. Так смирение и обращение к Богу приносит все блага, а гордость и отчаяние - причина смерти и гибели.

К избежанию опасности падения, к снисканию Божией благодати и яснейшего познания Самого Божества весьма много способствует безмолвие и пустыня. Не слова, но самое дело и примеры, по моему мнению, всего лучше убеждают в этом.

В нашей, сравнительно более уединенной, пустыне жил один инок. Долгие годы провел он в непрестанном воздержании и близился уже к старости. Все добродетели украшали его на высоте всецелого воздержания. Служил он Богу, воспевая Его немолчно в псалмах и песнопениях. И вот, как заслуженному своему воину, Бог приготовил ему воздаяние: живя еще в теле, он мог подобно ангелам нести служение бесплотных, потому что Господь удостоил его питать в пустыне ежедневно посылаемым с неба хлебом. Ведь стоял он на неусыпной страже, ожидая Царя небесного!

Так благоугодно было Господу даже в этой жизни вознаградить усердный подвиг его и, в неусыпном помышлении Своем, обеспечить его ежедневной пищей. И вот лишь только он чувствовал голод, войдя в пещеру, находил на столе у себя хлеб чудесного вкуса и удивительно чистый. Подкрепившись им, он снова начинал молиться и воспевать славу Божию. Наконец Бог удостоил его особых откровений и дара пророческого. Но, достигши столь великого совершенства, он стал тщеславиться якобы своими заслугами и дар небесной милости считать за должное себе возмездие, - и вот тотчас закралась в его душу какая-то беспечность, сперва едва заметная даже для него самого. Из этого малого зародыша выросло уже большое нерадение: не так ревностно он уже спешил к песнопению, ленивее пробуждался на молитву. И псалмы пел он уже не с прежним усердием, но, лишь немного выполнив из обычного правила, его душа уже спешила к отдыху, как бы утомленная чрезмерным трудом... Чувства его омрачились, с духовной высоты ниспала душа его, и помышления распозлзились по горам и пропастям... В глубине его сердца уже зародился пока еще неясный для него самого, но нечистый и преступный помысел, хотя по внешности образ жизни его оставался без изменения, Подобно тому, как течение воды силой прежнего движения увлекает еще лодку, хотя бы весла и перестали работать, так долговременный навык побуждал инока к прежним привычным занятиям. Потому и казалось, что он пребывает еще в прежнем достоинстве. Так - по обычаю после молитвы под вечер он находил пищу на столе - на том месте, где он обыкновенно подкреплял свои силы. Насытившись ею, однако он не заботился об исправлении того, что происходило в его сердце. Совсе не думая о вреде совершавшейся в нем перемены, даже презирая это, как пустяки, он не предвидел того, что вскоре грозит ему полное падение... И вот запылал в нем страшный пожар похоти и, объятый пламенем гнусной страсти, он рванулся было в мир... Однако на этот раз сдержал себя и, окончив обычное правило молитв и песнопений, вошел в пещеру, чтобы принять пищу. Он, правда нашел у себя на столе хлеб, но уже не прежней чистоты... Подивился этой перемене и опечалился... Понял, что это знамение относится к нему... Однако, взяв пищу, насытился. Чрез три дня внутренняя язва его утроилась: его мыслями и воображением овладел неотвязчивый образ женщины, которая как будто была у него перед глазами и лежала вместе с ним... Ему казалось уже, что он обнимает ее...

Однако и на следующий день он вышел для обычных подвигов псалмопений и молитвы, но взор его был рассеянный и сердце занято другим. Вечером он нашел на столе пищу, но уже отвратительного вида черствую и изгрызенную со всех сторон как бы мышами или собаками. Увидев это, он, вздохнув, пролил слезы, но не от сердца были эти слезы и не в таком изобилии, чтобы угасить пламя, загоревшееся в его сердце. Правда, он вкусил пищи, хотя и не утолил своего голода - не такова уже была она, как прежде... Между тем помыслы поднимались со всех сторон, подобно варварской когорте, и поражали отовсюду его стрелами... Наконец - он связан и взят в плен... Его увлекают в мир... Встав со своего ложа, он пустился ночью в путь по пустыне по направлению к городу. Но вот рассвело, а город был еще далеко. Ужаснейший зной палил его. В полном изнеможении он озирался кругом, не увидит ли где-нибудь поблизости монастыря. Увидав пещеру каких-то братьев, он устремился туда для отдохновения. Заметив его приближение, рабы Божии тотчас выбежали к нему на встречу и с почтением, как ангела Божия, приняли его. Омыв ему ноги, просили вместе с ними помолиться. Поставив стол, братья, по заповеди Господа, со всевозможным тщанием исполнили долг гостеприимства. Когда гость подкрепился и несколько отдохнул, хозяева по обычаю просили его сказать им слово назидания и совет ко спасению. Все ведь считали его глубоко образованным и опытным в духовной жизни отцом. Расспрашивали его также и о том, каким образом избегать козней диавола и как отражать не чистые помыслы, внушаемые им. Так - он по необходимости должен был дать наставление братии - разъяснить им путь жизни и коснуться в своей речи козней диавола, которые строит он рабам Божиим... Гость начал поучать их со всею обстоятельностью, но сам внутри жестоко страдал огненными укорами совести. То и дело обращаясь к себе самому, он в глубине сердца восклицал: "других учу, а сам заблуждаюсь... Как смеешь ты исправлять других, не заботясь о собственном исправлении? Ну-ка окаянный, исполни сперва сам, чему учишь других!" Поражая себя такими укоризнами, он понял всю глубину своего падения. Простившись с братией, он стремительно уходит в пустыню и возвращается в свою пещеру. Бросившись на землю, он громко воскликнул: "аще не Господь помог бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя!.. (Пс. 93,17). Совсем погряз было я во зле и вмале не скончаша мене на

земли (Пс. 118,87). Воистину оправдалось на мне слово Писания: брат от брата помогаем, яко град тверд и высок. Укрепляется же, яко основанное царство! (Прич. 18,19). С тех пор он всю жизнь провел в плаче и слезах, видя, что лишился ниспосылаемой ему пищи. И начал он трудами рук своих и в поте лица своего снискивать себе пропитание... Замкнувшись в глубине своей пещеры, он лежал поверженным в прахе и пепле. Плача и рыдая, он не переставал молиться, пока не явился ему ангел Господень и сказал: "Господь принял твоё раскаяние и умилился над тобой, но берегись - не поддайся снова искушению гордости. Вот придут к тебе братья, которых ты наставлял, и благословят тебя. Не откажись принять благословение и, разделив с ними трапезу, воздай благодарность Богу твоему!"

Все это, дорогие чада, я рассказал вам для того, чтобы поняли, сколько крепости в смиренности и наоборот - опасности в самопревозношении. Потому-то и Спаситель наш первое блаженство полагает в смиренности: блаженни нищие духом, яко тех есть царство небесное (Мф. 5,3). И я привел вам эти примеры, чтобы вы были настороже: как бы злые духи не обольстили вас тонкою лестью помыслов. Потому-то между иноками наблю-дается такое правило: кто бы не пришел к ним - мужчина или женщина, старец или юноша, незнакомец или знакомый - прежде всего да сотворят молитву и призовут имя Божие. Чей бы образ не принял на себя сатана, тотчас, по молитве, он исчезнет. Если же удастся ему забросить в ваши помыслы что-либо, дающее повод к похвальбе и самопревозношению, не услаждайтесь этим, но тотчас смиряйтесь пред лицом Господа, считайте себя за ничто - лишь только попытаются возбудить в вас желание славы. Наконец не скрою от вас и того, что и меня частенько-таки по ночам соблазняли злые духи и не давали ни молиться, ни спать: целую ночь мучили разными призраками в чувствах и помышлениях. А поутру как бы на смех бросались к моим ногам: "прости-де нас, авво, что мы причиняли тебе беспокойство в течении всей ночи." Но я отвечал им: "отступите от мене вси делающии беззаконие (Пс. 6,9) и не искушайте слугу Господа." Итак, чада мои, возлюбите тишину и безмолвие, предайтесь созерцанию и приложите все старание к тому, чтобы постоянною сосредоточенностью сохранить душу вашу в чистоте пред Богом. Пусть ничто не мешает вашей молитве!

Правда, встречаются и между мирскими людьми такие, что творят добрые дела и упражняются в подвигах благочестия, например, устраивая странноприимные приюты, являют дела любви и милосердия, посещают больных или отдаваясь какому-нибудь иному виду благотворения. Всегда что-нибудь иные добрые люди жертвуют на добрые дела, да и сами соблюдают себя в чистоте. Воистину такие люди заслуживают величайшего одобрения - угождая своими поступками Богу, они - ревностные исполнители заповедей Божиих (2 Тим. 2). Но этого все-таки недостаточно для достижения совершенства: это касается только земных отношений и не выходит из круга тленных вещей. Необходимо при этом потрудиться над своим сердцем и воспитать в себе духовные стремления. Кто заботится об этом, тот становится на высшую степень совершенства, уготавливая внутри себя обитель для Святого Духа и, как бы забывая о земном, стремится к небу и вечности. Ставя себя всегда пред очами Бога, он оставляет позади себя все земные заботы. Сгорая в пламени небесного стремления, ни днем, ни ночью не насыщается он, вознося хвалу Богу в псалмах и песнопениях духовных.

Так - целых три дня провел с нами в непрерывной беседе блаженный Иоанн, укрепляя и обновляя души наши. На прощание, преподав нам благословение, напутствовал следующими словами:

- Идите, чада, с миром! Скажу вам добрую весть - знайте, что сегодня в Александрии получилось известие о победе благочестивого государя нашего Феодосия над тираном Евгением. Вскоре, впрочем, последует и кончина самого Феодосия.

Дорогой мы узнали, что все это так и случилось, как он предрек. А немного дней спустя, пришли к нам некоторые из братьев и возвестили, что и сам блаженный Иоанн почил в мире. Кончина его была такова: за три дня до смерти он перестал принимать к себе и, склонив колена, на молитве предал дух свой и отошел ко Господу, Ему же слава во веки веков! Аминь.

Об Оре.

В Фиваиде видели мы и другого достопочтенного мужа по имени Ора. То был отец многих обителей. В своем одеянии - он казался как бы ангелом Божиим - девяностолетний старец с большой белоснежной бородою, весьма приятной наружности. Взор его светился чем-то сверхчеловеческим... Сперва он жил в самой дальней части пустыни, а потом устроил обитель по соседству с городом.

Прежде, до его прихода, в окрестностях его жилища ничего не было, не росло даже дикого кустарника. Сам рассаживая молодые деревья, он вырастил целые рощи разнообразных древесных пород. Так передавали нам святые отцы. Он насадил рощи для того, чтобы братья, которых он намеревался собрать, не имели нужды отлучаться далеко от обители за дровами. Так он заботился о телесных потребностях, но больше всего - о спасении душ и об укреплении в вере. Сам же он, живя в пустыне, питался травой и кореньями, находя эту пищу приятною. Пил только воду, если находил... День и ночь проводил в молитвах и песнопениях. Так достиг он преклонных лет, и явился ему в видении ангел Господень.

- От тебя произойдет великий народ... Много людей будет вверено тебе и спасутся через тебя многие тысячи. И все они в будущей жизни будут под твоим начальством... Не бойся ничего: никакой нужды для телесного пропитания их ты не будешь иметь, - только проси у Бога - и все будет дано!

Услышав это обетование, он пришел в близ лежащие места и начал жить в убогом шалаше, который сам устроил для себя, питаясь только разными овощами - и то после продолжительного поста. Прежде он не знал грамоты. Но поселившись в местностях, по соседству с жильем людей, он получил от Бога дар (разумения писаний). Братья принесли ему Библию, и он начал читать, как бы издавна обучившись. И дана была ему власть над нечистыми духами, так что многие одержимые ими, даже против воли устремлялись к нему, свидетельствуя громко об его подвигах. Совершал он много и других исцелений.

Множество иноков собиралось к нему. В числе их пришли и мы. Он весьма обрадовался нашему прибытию. Приветствуя нас, он по обычаю сотворил молитву, затем, умыв ноги странников своими руками, начал из Писания поучать нас вере и жизни. Ему дана была от Бога благодать учительства. Изъяснив нам весьма много текстов из Священного Писания, он снова принялся за молитву. У него было обыкновение не прежде приступать к трапезе, как вступив в духовное общение со Христом. После того, воздав благодарение, просил нас подкрепиться с пути. А сам, сидя с нами, не прекращал беседы о духовных подвигах. Вот что между прочим поведал он нам:

- Знал я одного человека в пустыне, целых три года не принимавшего земной пищи. Через каждые три дня Ангел Божий приносил ему небесную пищу - и та пища утоляла голод и жажду.

- Знал еще такого человека, к которому явились однажды злые духи в образе небесного воинства, и в одеянии ангельском. Огненные колесницы... Множество оружия... Точно собрались на войну против какого-нибудь властителя... И тот, кто казался царем над ними, сказал ему: "человек, ты исполнил уже все... Тебе остается только поклониться мне, и я вознесу тебя, подобно Илии". Слыша его, инок впал в раздумье: "что ж это значит? Ежедневно поклоняюсь я Спасителю и Царю моему. Если бы это был Он, стал ли бы требовать от меня того, что, как Ему хорошо известно, я делаю беспрестанно?!" И тотчас ответил говорившему: "у меня есть Царь, Которому я неустанно служу, а ты - не царь мой!" И после этих слов враг никогда более не являлся.

Он рассказывал об этом, как о происшедшем с другим лицом. Однако бывшие при этом отцы уверяли нас, что все это было с ним самим.

Великий это был отец! Между прочим вот еще какое благодеяние оказывал вновь приходившим жить к нему братьям. Он созывал всю свою братию и в один день воздвигал келию вновь прибывшему. Тогда можно было видеть великое усердие всей братии: один спешил принести кирпичи, другой готовил глину, третий подносил воду или дрова. Лишь только келия была готова, снабдив всем необходимым, всеми хозяйственными принадлежностями, передавал ее новому брату.

Однажды сюда пришел к нему один лукавый брат. Спрятав свои одежды, он явился к нему чуть - не нагим. Старец обличил его пред всеми и обнаружил скрытое... все пришли в страх, так что никто уже потом не дерзал солгать пред ним.

Таково было его духовное совершенство, так велико богатство Божией благодати! И все это стяжал он подвигами воздержания и чистотою веры. Многие из живших с ним братьев так же исполнены были столь же великой благодати, так что когда собирались они в храм, казалось - уподоблялись ликам ангельским, сияя чистотою телесной и душевной и вознося немолчные песни и хвалы во славу Господа.

Об Аммоне.

Довелось нам увидеть в Фиваиде еще другого мужа, по имени Аммона. Это был отец около 3000 иноков, которые называются Тавеннскими. Они отличались изумительным воздержанием, Одеждой служила им туника с рукавами (колловий), на подобие холщового мешка. Поверх нее - власяница, ниспадавшая вдоль спины и боков. Голову покрывали кукулем, особенно во время трапезы. Им закрывали лицо, чтобы нельзя было заметить, кто из них менее принимает пищи. За трапезой царствовало полное безмолвие. Можно было подумать, что здесь никого нет... При всей многочисленности собрания, казалось, здесь была пустыня. Они были так скромны, что воздержание одного трудно было заметить другому, и сидели за столом точно для того, чтобы не насыщаться, но лишь касаться пищи. Видно было, что они присутствовали за трапезой, но - ели ли что-нибудь - этого нельзя было сказать. Разумеется, тем ценнее добродетель воздержания, если воздерживаются от того, что пред глазами и под руками.

О Бене.

Один из старцев, которого и мы видели, по имени Бен, превосходил своей кротостью всех людей. Бывшие с ним братья уверяли, что ни клятва, ни ложь никогда не сходили с уст его, и ни один человек никогда не видел его во гневе. Он не произносил ни одного лишнего или праздного слова. Вся жизнь его проходила в глубоком безмолвии. Нрава он был тихого, во всем уподобляясь ангелам: в бесконечном смирении он считал себя ничтожеством. Уступая нашим усердным просьбам - преподать нам слово назидания, сказал нам несколько слов о кротости.

Однажды гиппопотам опустошал близкие по соседству страны. Земледельцы просили его о помощи. Придя в ту местность и увидав огромного зверя, он обратился к нему со словами:

- Именем Иисуса Христа запрещаю тебе опустошать эту землю!

Зверь бросился бежать, как бы гонимый ангелом, и никогда более не появлялся там.

Сказывали нам, что подобным образом в другой раз он прогнал крокодила...

Оксиринх.

Пришли мы в один город в Фиваиде - в Оксиринх. В этом городе мы нашли так много примеров христианского благочестия, что трудно дать понятие об этом в рассказе. Иноки встречались нам со всех сторон в окрестностях города, а внутри он весь наполнен ими. Какие только в нем были общественные здания и храмы древнего суеверия - все обратилось в жилища иноков. Во всем городе, казалось нам, было гораздо больше монастырей, чем частных домов. Город весьма обширен и многолюден, и в нем двенадцать церквей, в которых собирается народ для общественного Богослужения. Обитатели не входят в это число, а в каждой есть свое здание для Богослужения. В воротах города, в башнях, в каждом уголке - везде иноки - и отовсюду денно и ночью возносятся хвала Богу и песнопения... Весь город обратился как бы в один храм... Нет там ни еретиков, ни язычников - только одни христиане, одни православные... И не будет никакого различия - совершит ли епископ Богослужение на улице или в храме... У всех ворот города можно встретить начальников и первых лиц в городе, которые вместе с простыми гражданами, наблюдают, не покажется ли странника или бедняка - и наперерыв стараются доставить ему все необходимое - к кому бы он ни зашел прежде других.

Что сказать о том, что сделало население города для нас? Лишь только завидели нас, как бросились к нам навстречу, как к ангелам, и воздали нам приветствие, которое не могу выразить словами. Что сказать об иноках и инокинях, которых, как сказано выше, там множество?.. От святого епископа того места мы узнали, что в городе находится 20000 инокинь и 10000 иноков. Мы не можем описать словами их радушия, их услуг... Наши плащи разрывались на части, так каждый спешил взять нас к себе. Только уважение к ним не позволяет нам распространяться об этом.

Мы видели там много, много святых отцов, получивших от Бога различные виды благодати - то дар разумения слова Божия, - то дар воздержания, - то дар знамений и великих добродетелей...

О Феоне.

Не далеко от города, по направлению к пустыне, видели мы одного святого мужа, по имени Феону. Это был затворник, прошедший тридцать лет в своей келии в глубоком безмолвии. Он был так высок в духовном совершенстве, что его считали за пророка. К нему ежедневно приходило множество больных. Простирая к ним руку чрез оконце и возлагая на голову каждого с благословением, он исцелял их от всяких недугов. Его вид внушал невольное уважение к нему, лицо носило такую печать высшего достоинства, что он казался ангелом во плоти. Взор его сиял духовной радостью, и весь он был исполнен Божией благодати!

Мы узнали, что незадолго к нему ночью приходили разбойники, в надежде найти у него золото. Он их связал молитвою, и они, застряв во входе, не могли двинуться с места. Рано утром по обыкновению собрался к нему народ. Увидев у входа разбойников, хотели их сжечь. В такой крайности святой муж произнес только одно слово:

- Отпустите их без всякого вреда, да не отступит от меня благодать исцелений!

Народ, не дерзая противиться святому, отпустил их.

Разбойники, при виде всего, происшедшего с ними, бросив злодейства и раскаявшись в прежних многих преступлениях, удалились в соседний монастырь и там положили начало исправлению и новой жизни.

Мы узнали от других, равно как и от него самого, что святой Феона знал в совершенстве не только египетский и греческий языки, но и латинский. Он пожелал открыться нам и тем вознаградить подвиг нашего странствования. Написавши на дощечке, он выразил нам свое приветствие и вместе с тем обнаружил свою образованность. Пищу он принимал без приготовления на огне. Говорили нам про него, что, выходя по ночам в пустыню, он был окружаем толпами зверей. Черпая воду из своего колодца, он поил их как бы в вознаграждение за послушание. Очевидным свидетельством тому было то, что вокруг его келии виднелось много следов буйволов, антилоп и диких ослов.

Об Аполлонии.

Видели мы и еще святого мужа, по имени Аполлония, в Фиваиде, в пределах Гермополя. По преданию, в этом городе остановились Иосиф и Мария с

Богомладенцем, удалившись из Иудеи, по слову пророка Исаии: "се Господь сидит на облаке легце и приидет во Египет и потрясутся рукотворенная египетская от лица Его и падут на землю." (Исаии 19, 1). Видели мы там и то самое капище, в котором при появлении Спасителя, идолы низринулись на землю и сокрушились. Об этом там хранилось воспоминание.

Мы видели великого мужа в соседней пустыне. Там стоял монастырь его у подошвы какой-то горы. Будучи отцом пятисот братьев, он более всех славен был в пределах Фиваиды. Велики были его подвиги, и Бог явил чрез него великие силы, много знамений и чудес. С самого детства он был воспитан в воздержании. По мере приближения к зрелому возрасту, благодать Божия возрастала в нем. Мы его видели уже восьмидесятилетним старцем в челе множества обителей. И те, кто, казалось, были его учениками, достигли уже такой высоты духовного совершенства, что почти все сподобились дара чудотворений... Говорили, что пятнадцати лет удалился он в пустыню... Сорок лет провел он там в духовных подвигах, и был ему глас Божий:

- Аполлоний, чрез тебя Я погублю премудрость премудрых в Египте и разум разумных отвергну. Ты ниспровергнешь тех, что сльвут мудрецами Вавилонскими, и всякое идолослужение. Ступай в места населенные: от тебя произойдет Мне народ, воистину и во всей полноте ревнующий о благе.

- Уничтожь во мне, Господи, дух тщеславия, да не лишусь всех даров Твоих, возгордившись как-нибудь пред братией моей! - ответил Аполлоний.

- Приложи руку к шее твоей, сказал ему снова голос свыше, и что ею поймашь, сдави и зарой в песке.

И, положив немедленно руку на шею, он схватил как бы эфиопа, небольшого роста, и зарыл его в песке.

- Я дух гордыни! - слышалось ему при этом.

И снова был ему глас свыше:

- Теперь иди! И чего бы не попросил ты у Бога - даст тебе Бог.

Вот так-то он прибыл в места, обитаемые людьми. Все это было во времена тирана Юлиана.

Была в тех краях, по соседству с пустыней, какая-то пещерка. В ней и поселился он, проводя день и ночь в молитве. Говорят, он совершал по сто молитв днем и ночью, преклоняя колена пред Богом. Так - он питался более небесною пищею, чем телесною. Одеждой ему служил колловий из охлопков, который иные называют левитомом, и холщовый плат, прикрывавший ему голову и шею. И говорили, что эта одежда пустынножителя никогда не ветшала... Так он жил на краю пустыни - в силе Духа, совершая знамения и дивные исцеления. Рассказать об них никто не в состоянии по причине их множества. Мы слышали обо всем этом от живших с ним старцев. И всюду распространилась о нем великая молва. Изумляясь ему, его считали как бы пророком или апостолом. И стали сходиться к нему с разных сторон из соседних областей иноки, предавая ему, как бы нежному отцу в великий дар, свои души. Он принимал каждого с распростертыми объятиями и возбуждал к подвигам и доброму духовному устроению. Впрочем он более наставлял примером собственной жизни, чем словами. В обычные дни он каждому предоставлял, по мере сил, исполнять положенное себе правило воздержания, а в день Воскресный просил всех, ради братской любви, принимать пищу вместе с ним, но при этом сам наблюдал свое обычное правило: питался только травами и огородными овощами, и то без приготовления на огне.

Однажды Аполлоний узнал, что один из братьев взят на военную службу и содержится в заключении, а тогда было, как мы сказали выше, время Юлиана. Он посетил его с братией для утешения и советовал сохранить твердость в несчастье и не страшиться опасностей.

- Настало время борьбы, говорил он. Души верных должны подвергнуться испытанию, да явится верность каждого.

Такими и подобными словами он укреплял дух юноши. В это время пришел сотник и сильно разгневался на то, что осмелились войти в темницу. Он запер тюрьму, заключив в ней таким образом Аполлония и пришедших с ним. Так - все оказались задержанными для военной службы. Приставив многочисленную стражу, сотник удалился.

В полночь внезапно явился ангел Господень, блистая лучезарным сиянием, и отверз двери темницы. Стражи были поражены ужасом... Бросившись к ногам святых, они молили их удалиться.

- Лучше нам умереть за вас, - говорили, - чем противиться Божией силе, о вас пекущейся.

Рано утром прибежал в темницу сотник вместе с другими начальниками, так же моля о том, чтобы все задержанные вышли из темницы.

- Дом мой обрушился от сильного сотрясения земли, и лучшие из слуг моих погибли.

Святые воспели песнь Богу и, удалившись в пустыню, пребыли все вместе, имея, по примеру апостолов, одну душу и одно сердце (Деян. 4,32).

Авва наставлял братию, чтобы они непрерывно возрастали в духовном совершенстве и в самом зародыше без всякого промедления отражали козни диавола, которые он строит людям чрез помыслы.

- Если сокрушить главу змия, то все тело его станет мертвым. Потому Господь и обращает наше внимание на главу змия, чтобы мы тотчас и наотрез отвергали в своем сердце греховные и нечистые помыслы. Ведь если при самом начале не отвергать помыслов, - что помешает им разливаться отравой по чувствам нашим?

Вместе с тем он советовал не отставать друг от друга в стремлении к совершенству.

- Вы по тому узнаете о своих успехах в духовном совершенстве, если у вас ослабнет пристрастие к миру и его соблазнам. Здесь - начало даров Божиих! Но если бы кто-нибудь достиг столь великой степени совершенства, что сподобился дара совершать знамения и чудеса, да не превозносится этим, как бы каким отличием перед другими - то дар благодати Божией! Иначе - он обманется, впадет в самообольщение и потеряет благодатный дар.

Обладал он глубоким познанием слова Божия, чем отчасти и мы воспользовались, но еще более благодать проявилась в делах его. Чего бы он не попросил у Бога, немедленно получал. И много было ему откровений... Под конец он узрел своего брата, скончавшегося в пустыне. С ним он долгие годы подвизался вместе. В сновидении брат его явился ему восседающим на престоле апостольском, как бы один из апостолов. Он оставлял Аполлонию как бы в наследство свои совершенства и благодать. И стал он так же молить о себе, чтоб Господь скорее взял его и вместе с братом дал ему блаженное успокоение на небесах. Господь Спаситель отвечал ему:

- Еще немного времени должно прожить тебе на земле, да умножится число подражателей жизни и подвигов твоих: великое множество иноков будет вверено тебе, как бы целое воинство святых, да обрящешь за то достойное воздаяние.

Все действительно исполнилось на нем, согласно видению. Привлекаемые его славой, духовной мудростью и в особенности примером его жизни, собирались к нему со всех сторон иноки, отрекаясь от мира и составляя как бы своего рода великий собор. Там, у подошвы названной горы, они жили одною жизнью, имея, вместе с пищей, как бы одну душу. И мы удостоились узреть это воистину как бы небесное, ангельское воинство, в дивном духовном совершенстве. Не было никого в нечистой одежде, но белизна их одежд указывала на сияющую чистоту душ их, так что, по слову Писания, возликовала жаждущая пустыня (Исаии 35,1), и много чад увидела она у себя... Хотя это сказано о Церкви, но исполнилось на глазах истории в пустынях египетских... В каких городах так много людей достигли спасения, как в пустынях египетских? Сколько народу живет в городах, почти столько же - иноков в пустынях. Так, благодаря им, исполнилось над Египтом слово апостола: идеже умножится грех, преизбыточествова благодать (Римл. 5,20). Ни в каком народе не было столь чудовищного идолослужения, как в Египте. Там боготворились собаки, обезьяны и другие чудовища, там считали за божество чеснок, лук и другие овощи, как мы слышали от самого аввы Аполлония. Он нам изъяснял и самое происхождение древнего суеверия.

- Египтяне некогда боготворили быка за то, что, обрабатывая при его помощи свои поля, получали в изобилии пищу, равно как и реку Нил за то, что она орошала землю египетскую. Боготворили и землю, которая плодороднее всех других земель.

Как мы выше сказали, египтяне боготворили собак, обезьян и различные виды трав и овощей, потому что считали их причиной своего спасения во времена фараона. В то время, по их мнению, они были заняты этими предметами, когда фараон, преследуя отцов наших, потонул в море. И каждый стал считать своим божеством предмет, помешавший, по их мнению, следовать за фараоном, говоря: это - бог, так как он устроил сегодня так, что я не последовал за фараоном и не потонул вместе с ним.

Так беседовал с нами святой Аполлоний. Но скорее следует перейти к описанию его духовного совершенства и великих дел.

В окрестностях расположено было около десяти языческих поселений. Там процветало сатанинское суеверие. И храм был весьма обширный, в котором стоял истукан. В сопровождении огромной толпы народа жрецы обносили его по селениям, неистовствуя на подобие вакханок. Свое мерзкое служение совершали они, как бы испрашивая дождя. Случилось как раз во время совершения этих бесчинств проходить мимо тех мест блаженному Аполлонию с несколькими из братьев. И увидел он толпы несчастных - точно злой дух увлекал их к неистовству... Пожалел их авва и, склонив колена, призвал Господа и Спасителя нашего. И все, кто только участвовали в бесовском бесчинстве, остановились, вместе с истуканом, и не могли продолжать шествия - невидимая сила удерживала их на месте... Весь день тот палил их нестерпимый зной, и не знали они о причине, преградившей им путь... И сказали народу языческие жрецы:

- Вблизи пустыни живет один христианин, по имени Аполлоний. Его это дело... Если он не смилуется, нам не избежать беды...

И сошлось много народа со всех сторон и стали спрашивать о причине необычайного явления. Участники идолослужения отвечали, что они ничего не знают...

- Догадываемся впрочем, что это дело одного мужа, и просим умо-лить его...

- Вы правильно рассудили, - отвечали им. И мы видели его проходя-щим здесь.

Между тем приложены были все усилия помочь себе. Привели волов, силою которых надеялись было сдвинуть истукана с места. Но ничто не помогало. Все было тщетно...

Тогда отправляют послов к человеку Божию, давая обещания:

- Если он разрушит их узы, вместе с тем расторгнет и узы их заб-луждения.

Авва немедленно приходит к ним и, сотворив молитву, разрешает их.

И все немедленно и единодушно бросаются к нему, с верой поклоняясь Богу и вознося благодарение.

Деревянный истукан предается пламени, а люди следуют за человеком Божиим и, обученные им основам веры, вступают в лоно Церкви Божией.

Многие остались с аввою, и даже и теперь их можно видеть в обителях.

Слава о дивном событии далеко распространилась, и многие обратились ко Господу, так что в тех странах совсем почти не осталось язычников.

Спустя немного времени возникла вражда между двумя селениями из-за границ. Узнав об этом, человек Божий поспешил придти для водворения мира. Но враги, увлекаясь яростью, отнюдь не склонялись к миру, особенно одна сторона, крепко надевавшаяся на силу какого-то разбойника. Этот человек, по-видимому, и был поджигателем. Заметив его упорство, Аполлоний сказал ему:

- Если, друже, ты сможешь мне водворить мир, я умолю Бога - и Он отпустит тебе твои прегрешения.

Услышав это, разбойник тотчас с мольбой бросился к ногам человека Божия. Потом, обратившись к толпе, следовавшей за ним, приказал всем разойтись с миром. Все разошлись по домам, а сам остался с Аполлонием, умоляя его об исполнении обещания. Аполлоний взял его с собою и, идя дорогой, наставлял его:

Тебе необходимо сперва решиться - совершенно изменить свою жизнь и затем терпеливо молить Бога о милосердии... Ожидай с верой исполнения обещания... Вся возможна верующему...

Настала ночь, и они вместе легли спать в обители. И вот оба видят во сне: они - на небе и стоят пред престолом Христа... Кругом стоят ангелы и святые, вознося молитвы Господу. И сами они начинают молиться... Глас Божий прогремел над ними:

- Нет общения света со тьмой!.. Нет части неверному с верным!..

Ради молитв твоих, Аполлоний, дано будет ему спасение.

Что видели, что слышали они - того не может пересказать язык, не может услышать ухо...

Пробудившись от сна, они поведали братии. И велико было всеобщее изумление, когда тот и другой рассказывали об одинаковом сновидении... Раскаившийся и ставший уже святым разбойник, совершенно изменив свою жизнь и весь внутренний строй, точно волк сделался агнцем, по слову пророка Исаии: и пастись будет волк с агнцем и лев, аки вол, ясти будет плевры (Ис. 11,6).

Видели мы так же в обители Аполлония несколько человек эфиопов. Они жили вместе с иноками и многие из них даже превосходили строгостью благочестия и духовным совершенством, как бы во исполнение слов Священного Писания: Эфиопия предварит руку свою к Богу (Псал. 66,32).

Вот еще что рассказывали нам о деяниях святого Аполлония. Однажды так же возникла ссора между двумя селениями: одно было христианское, а другое

языческое. С той и с другой стороны выступили огромные толпы с оружием в руках. И случилось проходить на ту пору по близости святому Аполлонию. Он начал враждующих склонять к миру, но предводитель язычников, главный зачинщик вражды, человек грубый и свирепый, с пылом ожесточения вскричал:

- Не бывать миру! Не допущу - хоть приди сама смерть!

- Ну, пусть будет по твоему желанию, сказал авва. Никто, кроме тебя, не погибнет, и твоей могилой, согласно твоему нраву, будет не земля, но чрево лютых зверей и хищных птиц!

И слово святого немедленно исполнилось. В происшедшей схватке никто не был убит, кроме предводителя язычников. Его зарыли было в песок, но утром нашли растерзанным и изглоданным зверями и ислеканным коршунами... Все были изумлены дивным исполнением предсказания и обратились к вере в Господа Спасителя, прославляя Аполлония, как пророка...

Не умолчим и о том, что совершено им, как мы слышали, на первых же порах после того, как он начал жить еще с небольшим числом братьев в пещерах.

Наступил день святой Пасхи. Отправлена была торжественная утренняя. Братия причастились святых Тайн. Из бывших запасов было приготовлено кое что для подкрепления братии. Что же у них было? Всего только немного черствого хлеба, да соленые овощи... Тогда святой Аполлоний сказал:

- Если мы имеем веру, как истинные слуги Христа, пусть каждый из вас испросит себе для радостного дня то, чего бы он охотно ныне вкусил!

Братия просили его самого обратиться к Богу с молитвою, потому что он превосходил всех возрастом и своими подвигами. Себя же они сочли недостойными такой милости.

Тогда авва с живейшей радостью излил молитву пред Богом. И по окончании ее все воскликнули: аминь! Вдруг у самого входа в пещеру появились совершенно неизвестные люди, доставившие в таком изобилии различного рода припасы, что никто не мог представить себе ни такого изобилия, ни разнообразия, ни такой быстроты доставки... В числе припасов были яблоки такого рода, каких совсем не родится в Египте, необычайно большие грозди винограда, орех, смоква, финикийский гранат, сотовый мед и много молока, огромные сирские финики и еще теплые хлебы необычайной белизны - то же, по-видимому, из чужих земель. Доставившие все это лишь только вручили инокам, как тотчас поспешили удалиться обратно к тому, кто их послал. Тогда, воздав благодарность Богу, иноки приступили к трапезе, и вкусили ниспосланных им даров. И таково было изобилие принесенных запасов, что их достало, при ежедневном вкушении, до самого дня Пятидесятницы. Вот что сотворил Господь ради торжества Великого дня!

Вот что еще мы слышали: один из братии страдал недостатком смирения и строптивостью характера. И стал он молить Господа, чтобы ниспослал ему дар смирения и кротости. Действительно, по молитве его, ему дан был этот благодатный дар, так что вся братия изумлялись потом его спокойствию и скромности, чего прежде в нем совсем не замечали.

Однажды настал голод в Фиваиде. Зная, что отшельники, служившие Господу вместе с Аполлонием, часто и без пищи насыщались по благодати Божией, жители тех стран, все вместе с женщинами и детьми, приходят к нему, прося пищи и благословения. Без малейшего колебания он начал выносить из кладовой запасы для братии и щедро оделять каждого. Вот осталось всего только три корзины... Между тем народ жестоко страдал от голода. Тогда он приказывает вынести на виду всех оставшиеся корзины, содержавшие дневную пищу для братий, и вслух всего собравшегося народа, воздев руки к небу, воскликнул:

- Неужели рука Господня не сильна умножить это!?! Так глаголет Дух

Святой: не истощится хлеб в корзинах, пока все мы не станем вкушать новых плодов!

И многое множество свидетелей - очевидцев уверяли нас, что в течение четырех месяцев не переставали брать хлеб из корзин, и он не убывал... И в другое время он совершил подобное этому с зерном и маслом... Злой дух, утраченный его могуществом, однажды, как нам передавали, сказал ему:

- Уж не Илия ли ты или иной кто из пророков и апостолов, что дерзаешь творить столь великие знамения!?!

- Что ж!?! - возразил Аполлоний. Разве пророки и апостолы не были людьми и не могли передать нам свою веру и свою благодатную силу? Или - разве тогда только Бог существовал, а теперь уже нет Его!?! Да не будет!.. Бог всемогущ и что может - всегда может! Но если Бог так благ, скажи мне: отчего ты так злобен?

Об этих деяниях святого аввы мы узнали из правдивых рассказов старцев, отличавшихся глубоким благочестием и святостью жизни. И хотя их рассказы заслуживают полного доверия, однако Господь удостоверил нас в правде всего, что мы слышали, тем, что пришлось видеть нам самим. Мы видели, как расставляли по пустым столам полные корзины с хлебом. После насыщения всей братии он убирался снова - и хлеба в них не убавлялось...

Вообще мы видели много удивительного при посещении обители святого Аполлония, о чем нельзя не рассказать.

Нас трое братьев отправились к нему. Мы находились еще на далеком расстоянии от обители, как нас встретили братия. Они уже за три дня узнали о нашем прибытии. Встретили они нас с пением псалмов. Таков у них обычай! Поклонившись нам до земли, они дали нам братский поцелуй.

Указывая на нас, они говорили между собою:

- Это те самые братья, о прибытии которых три дня тому назад предвещал нас авва Аполлоний, говоря, что через три дня придут три брата из Иерусалима.

Одни из встретивших нас братьев шли впереди нас, другие следовали за нами - и те и другие пели псалмы. Вот показалась уже обитель. Услышав пение псалмов, сам святой Аполлоний вышел нам навстречу. Завидев нас, он первый поклонился до земли и, поднявшись, облобызал нас. Мы вступили в обитель. Обычная молитва - прежде всего... Затем авва своими руками омывает нам ноги... Располагается всем необходимым для подкрепления наших сил после путешествия... Так поступал он со всеми посетителями.

У него был заведен такой порядок: жившие с ним братия прежде вкушения пищи причащались святых Тайн. Это было около десяти часов дня. После того они иногда до самого вечера, внимая слову Божию, без всякого промежутка - поучались в законе Господнем, и уже, при закате солнца вкусив пищи, одни удалялись в пустыню, предаваясь во мраке ночи Богомыслию и размышлению о слове Божию, другие - оставались в обители, до самого рассвета, вознося немолчную хвалу Богу, как неусыпная стража... Я сам был свидетелем - очевидцем... Иначе, приняв святые Тайны около девяти часов дня, спускались с горы и тотчас расходились, довольствуясь только этой божественной пищей. И так они поступали в течение многих дней...

На лице их сияло дивное веселие и радость - божественный некий восторг, какого не увидишь у других людей на земле... Мы не видели там ни одного печального лица... Если же кто либо иногда казался несколько омраченным скорбью, авва Аполлоний немедленно спрашивал о причине печали. Очень часто при желании со стороны брата скрыть причину скорби он сам открывал, что таилось у него в душе, как приходилось сознаваться в этом испытывавшему на себе прозорливость аввы. Тогда он начинал увещать его, говоря, что вовсе не должно быть места скорби у тех, для кого спасение - в Боге, и надежда - в царстве

небесном.

- Пусть предаются скорби язычники, пусть плачут иудеи, пусть рыдают грешные - праведным прилична радость! Если уж те, кто любят все земное, радуются тленными и ненадежными предметами - нам ли не гореть восторгом, если мы только подлинно ожидаем небесной славы и вечного блаженства?! Не этому ли учит нас апостол: всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите (Фесс. 5,17)?

Но кто будет в состоянии изобразить глубину его духовной мудрости и благодатную силу его слова? Лучше молчание, чем недостойный рассказ...

Много наедине беседовал с нами блаженный Аполлоний об образе воздержания, об искренности обращения к Богу, об усердии к гостеприимству, в особенности настаивая на том, чтобы в посещающих братиях видели как бы Самого Господа. Потому и предание есть - поклоняться до земли приходящим братиям, да будет явно, что пришествие их приветствуется, как пришествие Господа Иисуса, - по слову Его: странен бых и введосте Мене (Мф.25,35). Ведь и Авраам принял тех, кто, по-видимому, были простыми людьми, а между тем среди них познался Господь. Иногда пришедших братий даже против воли необходимо принуждать к телесному отдохновению, по примеру Лота, который принудил ангелов войти в дом его (Быт. 19, 3). Советовал он по мере возможности ежедневно причащаться инокам святых Тайн Христовых, дабы удаляясь от них, не удалиться и от Бога. Кто чаще принимает святых Тайн, тот чаще соединяется со Спасителем, по Его слову: ядый Мою плоть и пийй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем (Иоан. 6, 56). Одно уже воспоминание о страстях Господних многополезно, представляя образец терпения. Пусть же иноки никогда не забывают об них! Но самое главное - при принятии святых Тайн дается внушение, чтобы каждый всегда бодрствовал над собою, да не явится недостойным святых Таин Господних. Вместе с тем верующим подается и отпущение грехов.

Советовал также не нарушать, без настоятельной необходимости, установленный пост в среду и пяток, потому что в среду Иуда измыслил предательство Господа, а в пяток Спаситель был распят на кресте. И представляется мне, говорил он, что нарушающий без необходимости в эти дни установленный пост как бы снова совершает предательство вместе с Иудой или вместе с мучителями распинает Господа. - Если в эти дни придет кто-нибудь из братий и пожелает после путешествия подкрепиться раньше девяти часов, должно накрыть стол для него одного. Если же не пожелает, принуждать не следует: предание о соблюдении поста в эти дни для всех обязательно...

Авва порицал тех, кто запускают волосы или обвешивают шею железом или вообще - носят что-нибудь такое, что может ввести ближнего во искушение.

- Ведь известно, что все такие ищут славы у людей и делают это ради тщеславия, тогда как нам заповедано даже пост соблюдать тайно, да будет он ведом только Господу, видящему втайне и воздающему явно. Но, как видно, таким недостаточно похвалы и воздаяния от Видящего втайне, - они желают еще явиться и пред людьми. Всякого рода воздержание должно совершаться втайне. Пусть тело изнуруется постом - не жди почета от людей! Ищи воздаяния только у Господа!

Так в течении целой недели много беседовал с нами авва о жизни иноческой, запечатлевая правду своих слов величием своих дел!

Когда мы собрались в путь, он, провожая нас, напутствовал следующими словами:

- Прежде всего, возлюбленные чада, имейте мир между собою и не отдаляйтесь друг от друга!

Затем обратившись к братии, спросил:

- Кто из вас, братие, желает проводить их к отцам в соседние обители?

В ответ на это почти все выразили живейшую готовность. Тогда святой авва избрал троих, знающих языки: греческий, латинский и египетский, чтобы, в случае надобности, они служили нам переводчиками и могли назидать нас беседой. Отпуская их с нами, он повелел не прежде оставить нас, как проводив ко всем отцам и обителям, которые мы пожелаем посетить. Но кто же в состоянии обойти всех?

Благословив нас, он простился с нами. Благословение же преподал в следующих словах: да благословит вас Господь от Сиона и узрите благая Иерусалима во вся дни живота вашего (Пс. 127,6).

Об Аммоне.

Считаю долгом не умолчать о том, что мы слышали об одном святом муже, именно об Аммоне. Мы видели в пустыне место, где он жил.

Простившись с блаженным Аполлонием, мы направились в южную часть пустыни. Дорогой мы заметили следы огромного дракона - точно бревна были проташены по песку. Сопровождавшие нас братия уговаривали нас бесстрашно следовать по следам дракона.

- Вы увидите могущество веры, когда уьем зверя! говорили они. Мы своими руками умертвили уже многих драконов, змей и рогаток... Не дал ли Спаситель верующим в Него власть наступать на змию и на скорпию и на всю силу вражью (Лк. 10,19)?

Так они ободряли нас. Но у нас не было столь твердой веры... Ужас овладевал нами все более и более... Мы просили оставить в стороне следы дракона и идти прямым путем. Между тем один из них с быстротою бросился преследовать дракона. Он уже близок был к логовищу и громко звал нас к себе, чтобы мы могли видеть, что будет. Но в это время вышел к нам навстречу один брат, живший в соседней пустыне, который удержал нас.

- Вы не выдержите вида чудовища, в особенности если вам не приходилось никогда видеть его. Я же частенько видал его: это - зверь невероятных размеров... Никак не менее пятнадцати локтей в длину...

Отговоривши нас подходить к логовищу, этот брат поспешил отвлечь и того, который поджидал нас, приготовившись поразить зверя. Он стал отзывать его, но тот непременно желал покончить с драконом и только после многих просьб наконец уступил. Вернувшись к нам, он укорил нас за наше малодушие и неверие.

Мы пришли к пещере встретившегося нам брата. Он нас принял с искренней любовью, и мы у него отдохнули. Он поведал нам, что в этом самом месте жил один святой муж, его наставник, по имени Аммон. Господь много раз являл чрез него Свою силу. Вот что между прочим он рассказал нам.

Питался Аммон одним только хлебом, да и тот разбойники часто отнимали у него, похищая его скудные запасы. Долго старец переносил эти обиды. Но вот однажды он отправился в пустыню и на возвратном пути повелел следовать за собою двум драконам. Им повелено было лечь у входа в пещеру и охранять его. Разбойники явились по своему обычаю, не подозревая, что за стражу найдут они у входа. Увидав драконов, они оцепенели от ужаса и, лишившись чувств, полумертвыми пали на землю. Старец вышел к ним и, увидав их в таком положении, поднялся и сказал им с укором:

- Вы видите, что звери добрее вас: они повинуются нам по воле Божией, а вы не Бога не боитесь и не стыдитесь обижать Его служителей.

Приведя грабителей к себе в пещеру, старец приготовил для них трапезу и пригласил их принять пищу. В сокрушении сердца они проклинали свое бесчеловечное поведение. И в короткое время бывшие разбойники превзошли своими подвигами многих, раньше их начавших служить Господу. И так полно и глубоко было раскаяние их, что через несколько времени Господь удостоил их дара совершать знамения и чудеса...

В другое время ужаснейший дракон опустошал соседние местности, и много народу погибло от него. Жители пришли к святому Аммону и молили его, чтобы изгнал зверя из их страны. Чтобы склонить его к милосердию, принесли с собою мальчика, сына одного пастуха, который помешался от испуга при одном взгляде на дракона. Зверь точно отравил его своим дыханием, и он замятво, весь опухший был принесен домой. Старец помазал елеем отрока и возвратил ему здоровье. В душе он, конечно, желал гибели зверя, но поселянам не дал никакого обещания - как бы сознаваясь в своем бессилии помочь им. На другой день, вставши рано, отправился к логовищу зверя и, склонив колена, начал молиться. Зверь стремительно бросился было к нему, уже слышно было его ужасное дыхание, сопровождавшееся резким шипением. Бесстрашно взирал на него старец... Обратившись к дракону, он произнес:

- Да поразит тебя Христос, Сын Божий, имеющий некогда поразить еще более страшного зверя!

И лишь только он сказал это, как вдруг ужасный дракон, изрыгнув вместе с дыханием ядовитую пену, с треском лопнул посередине. Сбежались соседи и оцепенели от изумления; поднялось нестерпимое зловоние... Поспешили набросать на него огромные груды песка. Авва Аммон стоял тут же, потому что и к мертвому чудовищу не смели приблизиться одни, без святого старца...

О пресвитере Коприи и Патермуфий.

В глубине пустыни, в своем монастыре жил один пресвитер, по имени Коприй. Святой муж имел уже около восьмидесяти лет отроду. Великие силы явил в нем Бог: он врачевал недуги, возвращал здравие, изгонял демонов и вообще творил много дивного, чему отчасти и мы были очевидцами.

При свидании с нами он облобызал нас и после обычной молитвы омыл нам ноги. Затем спросил:

- Что-то теперь происходит в мире?

- Поведай нам, авво, лучше о себе самом, о своих деяниях, расскажи нам, какими подвигами, какими заслугами пред Богом сподобился ты столь великой благодати? - просили мы.

И он не отверг нашей просьбы и начал нам рассказывать по порядку свою жизнь и жизнь своих предшественников. По его словам, они много были достойнее его, а он только в немногом и то с трудом подражал им.

- Нет во мне, чада, ничего достойного, и далеко мне до святых отцов наших...

До меня здесь жил знаменитый муж по имени Патермуфий. Он был первым пустынником в здешних местах и первый во всей этой пустыне указал нам путь ко спасению. Раньше он был язычником - предавался разбою, расхищал гробницы - словом: для него не было ничего святого... Вот что отвратило его от злодеяний и обратило на путь спасения: однажды ночью ради грабительства он подкрался к жилищу одной девы, посвятившей себя Господу. При помощи каких-то снарядов, хорошо, конечно, известных мастерам такого рода, он забрался на крышу ее дома и начал подумывать, как бы ему проникнуть внутрь жилища. Однако это оказалось делом не легким. Ночь почти проходила, а он не достиг ничего. Утомленный тщетными усилиями, он заснул - и в сновидении предстал пред ним Некто, в царском одеянии и сказал ему:

- Пора уже тебе отстать от злодеяний! Перестань проливать кровь человеческую! Вместо гнусного воровства стань на страже благочестия и возьми на себя небесную, ангельскую службу и живи отселе для доблестей духа - Я сделаю тебя вождем и главою на этой службе!

С радостью выслушал он это приглашение, - и вот пред очами его - целое воинство иноков, и ему повелевалось принять начальство над ними.

Пробудившись, он увидал, что близ него стоит хозяйка дома.

- Кто ты, откуда? Зачем пришел сюда? - спрашивала она.

Сперва он ничего не понимал, точно лишившись разума. Не ответив ни одного слова на ее расспросы, он просил, чтобы она указала ему христианский храм. Дева поняла, что Господь совершает чрез нее Свою волю, отвела его в церковь и представила пресвитерам. Бросившись к стопам их, бывший разбойник просил удостоить его святого крещения и немедля возложить на него церковное покаяние. Зная этого человека за страшного злодея, пресвитеры изумлялись, и не верили искренности его обращения. Тронутые неотступностью его просьбы, они объявили ему, что, если он точно желает обратиться к Богу, должен будет совершенно оставить все прежнее. Затем он был обучен важнейшим истинам веры.

- Дайте мне правила, - просил он, - наставьте меня, как бы мне вступить на путь спасения.

Пресвитеры указали ему на первые три стиха первого псалма. После прилежного размышления над ними он сказал:

- Этого довольно для вступления на путь жизни и для постижения духа благочестия.

Пробыв три дня, новообращенный удаляется в пустыню. Там он прожил долгое время, день и ночь проводя в непрестанной слезной молитве. Пищею служили корни пустынных трав.

Однажды он пришел в храм, и пресвитеры увидели, что не словами только, но и делами и подвигами оправдал он указанные ему стихи. И дивным казалось пресвитерам, что немедленно после обращения он воспринял подвиг столь строгого воздержания. Тогда они подробнее ознакомили его со словом Божиим и, вместе с тем, убеждали остаться с ними. Чтобы не выказывать непослушания, Патермуфий провел с ними неделю, но затем снова удалился в пустыню, где и прожил семь лет в совершенном воздержании. И такую полноту благодати стяжал он у Бога, что знал наизусть почти все Священное Писание. Хлеб он принимал однажды в неделю, в день Воскресный, и этот хлеб ниспосылался ему свыше... Поднимаясь с коленопреклонной молитвы, он находил у себя хлеб, которого никто не мог ему доставить... Вкусив его с благодарностью Провидению, он уже не принимал пищи до следующего Воскресного дня.

Много времени протекло... И снова он вышел из пустыни. Многие были увлечены примером его подвижничества к подражанию. В числе других пришел к нему один юноша, прося принять себя в ученики... Патермуфий возложил на него иноческую одежду: левитон, кукуль и

милость из козней шерсти и начал наставлять его правилами подвижничества. Нужно сказать, что Патермуфий особенно близко принимал к сердцу заботу о достойном погребении усопших христиан. Юноша заметил, с каким усердием старец прибирал одежды для умерших, и однажды сказал ему:

- Вот, наставниче, когда я умру, и меня так же снаряди и предай честному погребению.

- Ах, чадо, я так постараюсь исполнить просьбу твою, ничего не жалея, пока сам не скажешь: "довольно!"

Прошло немного времени, и юноша действительно скончался, и предсказание старца-наставника исполнилось.

Облачивши почившего, не жалея одежд, он пред лицом всех спросил его:

- Довольно ли, милое чадо, или желаешь, чтобы я еще что-нибудь прибавил?

На главе почившего лежал покров, и самое лицо его было обвязано.

Вдруг все явственно услышали:

- Довольно, отче! Ты исполнил свое обещание...

Присутствовавшие были поражены столь дивным событием... А старец, предав погребению тело юноши, немедленно удалился, тщательно избегая какого бы то ни было вида тщеславия.

Однажды он снова вышел из глубины пустыни для посещения руководимых им братии. Один из них опасно занемог, и Господь открыл Патермуфию об его близкой кончине. Время уже клонилось к вечеру, и старец поспешил, чтобы проститься с умирающим. Но селение, где лежал больной, было далеко... Приходилось поневоле идти ночью... Вдруг старцу вспомнились слова Спасителя: ходите, дондеже свет имате, да тьма вас не имать (Иоан. 12,35), и - кто ходит во дни, не споткнется (Иоан. 11,9). И тут он заметил, что солнце уже близко к закату...

- Во имя Господа Иисуса остановись ненадолго и подожди, пока я не достигну селения!

Часть солнца уже закатилась, но, как бы остановившись, оно не прежде скрылось, как человек Божий достиг селения. Местные жители заметили это необычайное явление. Они долго наблюдали медленный закат солнца и изумлялись, недоумевая, что бы это значило. Увидав Патермуфию, пришедшего из пустыни, они спросили его, что значит это дивное знамение.

- Разве вы забыли слово Господа, Спасителя нашего: аще имате веру, яко зерно горушно, ничтоже невозможно будет вам (Мф. 7,20), ответил отшельник.

Уразумев, что по вере его остановилось солнце, все были объаты ужасом, и многие, ставши его учениками, последовали за ним.

Между тем отшельник вступил в дом и нашел брата, ради которого спешил, уже умершим. Сотворив молитву, он приблизился к смертному одру. Поцеловав почившего, спросил:

- Чего лучше желаешь, брат, - отойти ли и жить со Христом или еще пребыть во плоти?

- Зачем спрашиваешь меня, отче? О, мне лучше отойти и пребыть со Христом... Нет мне никакой надобности оставаться во плоти! - ответил, немного поднявшись на ложе, почивший.

- Спи же в мире, чадо, и молись о мне!

И почивший тотчас, распростершись снова, уснул...

Присутствовавшие при этом были поражены несказанным изумлением.

- Воистину, это - человек Божий! - воскликнули все.

После того старец облачил юношу, по своему обыкновению, с достаточным убранством. Всю ночь проведя в пении псалмов и песнопений, Патермуфий предал юношу честному погребению.

Однажды он посетил брата и застал его лежащим на одре болезни. Брату не легко приходилось расставаться с жизнью: совесть тяжело смущала его, он трепетал...

- Отчего ты, чадо, не готов к твоему исходу? Видно, совесть, изболительница твоего нерадения, не отступает от тебя...

И больной взмолился:

- Прошу тебя, отче, исходатайствуй пред Богом, да продлит хотя не на много мою жизнь, чтобы мне очиститься.

- И ты просишь еще короткого срока для покаяния, когда уже настал конец твоей жизни!? - сказал старец. А что же ты делал раньше, во все продолжение жизни? Разве не мог ты лечить тогда свои язвы? Нет!? Ты к старым прилагал свежие!..

И еще более настойчиво молил его умирающий.

- Если ты к старому злу не станешь прибавлять нового, отвечал старец, мы помолимся о тебе. Бог благ и долготерпелив и продлит еще не надолго жизнь твою, чтобы ты мог уплатить твои долги...

И, преклонив колена, старец начал молиться. Потом, поднявшись, обратился к больному со словами:

- Вот, Господь дает тебе еще три года жизни - только бы ты всем сердцем обратился к покаянию.

И, взяв его за руку, воздвиг с одра болезни. Выздоровевший немедленно последовал в пустыню за аввою. Прошло три года. Авва привел брата на место, откуда взял его за три года пред тем. И все пришли в изумление: точно ангел Божий, а не человек стоял пред всеми - так глубоко было его обращение к Богу!

Между тем собралось множество братии. Старец поставил его посреди всех и, указывая на его пример, всю ночь беседовал с братией о плодах покаяния и обращения к Богу. Беседа продолжалась... Брат точно тихо засыпал и... заснул навеки!

Сотворив над ним молитву и по обычаю устроив все, необходимое для погребения, старец поспешил удалиться в пустыню...

Очень часто он переходил большую реку Нил - по колена в воде...

В другое время он являлся братии в их высоких келиях "дверям заключенным." Очень часто также появлялся мгновенно в какой угодно было ему, хотя бы и весьма дельней, местности...

Еще в самое первое время после его обращения, после недельного поста в пустыне встретился ему человек с хлебом и водой и просил его принять пищу, сказав, что это ниспослано ему свыше...

В другое время явился ему диавол и, указывая ему одно место на земле, уверял, что здесь скрыто огромное количество золота, принадлежавшего фараону. Патермуфий ему ответил: серебро твое с тобою да будет в погибель! (Деян. 8,20).

Вот что да и многое другое, подобное сему, совершил чрез него Господь!

- Были и до нас многие другие отцы, совершавшие небесные знамения и чудеса, - отцы, их же не был достоин весь мир (Евр. 11,38). Что же удивительного, если мы, смиренные и недостойные сравнительно с ними, исцеляем хромых и слепых? Не удастся ли это иногда, при помощи искусства, так же и врачам?

Так беседовал с нами старец Коприй.

Во время его рассказов один из нашей братии как бы от невероятности событий начал зевать и наконец дремать от скуки. Крепко заснув, он видит в сновидении книгу, исписанную золотыми письменами. Книга - в руках старца Коприя, и он из ней берет свои повествования. И стоял тут же некто - светносный, украшенный сединами. Грозно взглянув на него, явившийся сказал невнимательному:

- Что ж ты без внимания слушаешь то, о чем здесь читают, - напротив дремлешь от безверия?

Смутившись он вдруг пробуждается и тотчас по-латыни на ухо рассказывает свое сновидение...

Мы заметили, как среди разговора подошел ко входу в пещеру какой-то крестьянин, держа в руках наполненный песком сосуд. Он поджидал окончания беседы старца. Мы спросили пресвитера:

- Что нужно этому крестьянину, который стоит здесь и держит сосуд с песком?

- Ах, чада мои, отвечал старец, следовало бы мне воздержаться от подробного объяснения... Боже сохрани нас - подпасть как-нибудь тщеславию и потерять вечную награду... Но вы совершили столь дальний путь, чтобы посетить нас... Ради вашего назидания и пользы душевной не утаю от вас, но поведаю вам дела Божии, которые Он удостоил совершить среди нас.

Почва в соседней с нами стране была чрезвычайно бесплодна. По нужде обрабатывали ее. Бывало так, что урожай выходил сам - друг... В самих еще стеблях зарождались черви и губили посев. Жители этой местности были язычники. Мы научили их вере в истинного Бога, и они стали христианами. Вот однажды они пришли к нам с просьбой, чтобы мы вознесли молитву Господу об урожае. Мы ответили им, что готовы помолиться об них, но для получения просимого нужна и их вера. Тогда они набрали в свои пазухи песку, который мы попирали ногами, и принесли к нам, прося, чтобы мы благословили его во имя Господне.

- По вере вашей да будет вам! - сказал я.

Они взяли песок с собою и, смешав с семенами для посева, засеяли свои поля. Получился такой урожай, какого никогда еще не собирали в земле египетской... Вот с тех-то пор и вошло у них в обыкновение ежегодно два раза приходить к нам, с теми же надеждами...

Не скрою еще от вас и того, что надо мною явил Господь во славу имени Своего. Однажды я отправился в город. Там пришлось мне встретиться с учителем манихейским, совращавшим народ. Я должен был его оспаривать, но он оказался чрезвычайно изворотливым, и я не мог уловить его. На меня напал страх, как бы не податься соблазну слушающим, если бы он ушел и стал хвастаться своей победой. Тогда я воскликнул:

- Разведите большой огонь на площади, и мы оба войдем в пламя.

Кто из нас выйдет из пламени невредимым, вера того да будет признана истинною!

Мои слова понравились народу, и тотчас же был разведен страшный огонь.

Тогда взявшись за манихея, я повлек его с собою в пламя.

- Постой! - вскричал тот. - Не так! Пусть каждый из нас войдет порознь туда! А так как ты придумал это, то и ступай-ка первым.

Осенив себя крестным знаменем во имя Христово, я вступил в середину пламени, и пламя рассеивалось по сторонам и убегало совсем от меня... Так прошло с полчаса времени, и во славу Божию я оставался невредим.

Народ был поражен изумлением, и все прославили Господа, восклицая: "дивен Бог во святых Своих!" (Пс. 67,16).

После того пришла очередь манихея. Его стали принуждать войти в пламя, но он сопротивлялся и упирался. Тогда толпа схватила его и бросила в середину костра. Пламя тотчас охватило его, и он выскочил полу обгорелый...

Народ с позором изгнал его из города с криком: "сжечь бы тебя живого, обманщик!"

А меня взяли с собою и, благословляя Господа, привели в церковь.

В другой раз пришлось проходить мне мимо одного капища. Смотрю - язычники собираются принести жертву.

- Как это вы, люди разумные, приносите жертвы немым и бесчувственным истуканам? И неужели у вас не больше смысла, чем у тех, кому

приносите жертвы? - сказал я им.

И Господь отверз им разум... Бросив свое заблуждение, они последовали за мною и уверовали в Спасителя, Бога нашего.

Когда-то был при моей обители, рядом с нею, садик, в котором мы разводили овощи для приходящих братий. Однажды ночью забрался в него язычник и наворовал овощей. Придя домой, он развел огонь и стал варить овощи. Целых три часа бился он, все усиливая пламя: овощи не варились, не умягчались - даже не нагревались!.. Так и оставались сырыми, как были... Вода - и та не согрелась... Опомившись, вор снял котел с овощами с очага и принес обратно к нам. Бросившись к ногам, он стал молить, чтобы мы испросили ему у Бога прощения и сделали его христианином. Его желание было исполнено. Между тем как раз в тот же день пришли к нам в большом числе странники братия, - и вышло так, как будто для них приготовлены были эти овощи.

И мы вознесли теплую благодарность ко Господу за Его чудеса.

Вдвойне мы возрадовались: о спасении человека и о Божией милости...

Об авве Сире, Исаии, Павле и Ануфе.

Вот что поведал нам еще Коприй:

- Однажды авва Сир, Исаия и Павел встретились друг с другом на берегу реки. То были мужи праведные, великого воздержания и глубокого благочестия. Они собрались навестить одного подвижника, по имени Ануфа. Путь в три ночлега предстояло пройти им до цели путешествия. На пути они должны были переправиться через реку, но у них не было под руками лодки. И сказали они друг другу:

- Попросим милости у Господа, чтобы предпринятое ради доброго дела путешествие наше не было прервано.

И сказали Павел и Исаия авве Сиру:

- Тебе прежде всего следует просить Господа. Мы знаем, что Он слушает тебя, потому и теперь исполнит прошение твое.

Авва Сир, в свою очередь, просил и их склонить колена для молитвы, и сам пал на лице свое пред Господом.

Молитва окончена. Все встали - и вот видят - к берегу подплывает ладья, вполне оснащенная для плавания. Отцы вошли в ладью и так быстро понеслись вверх против течения, что в один час проплыли пространство, которое прошли бы только в три дня.

Высадились на сушу, и сказал Исаия:

- Господь показывает мне мужа, к которому мы спешим. Вот он идет к нам навстречу и читает наши сердечные тайны...

И Павел сказал:

- И мне открывает Господь, что чрез три дня Он возьмет его к Себе.

Все трое от берега направились к обители. Но пройдя немного, видят - Ануф выходит к ним навстречу и обращается к ним с приветствием:

- Благословен Господь, благоволивший мне узреть вас во плоти, как прежде показывал в духе.

И стал он вспоминать о подвигах и заслугах каждого из них пред Богом.

И сказал тогда Павел:

- Господь открыл нам, что чрез три дня Он отзовет тебя из этого мира к Себе. Поведай же нам о своих успехах в духовной жизни, о своих подвигах, которыми ты угодил Господу. Тебе нет опасности от тщеславия: ты скоро оставишь этот мир. Так оставь же в назидание потомкам и память о своих подвигах...

- Не помню за собой великих подвигов, сказал в ответ Ануф. Вот что только наблюдал я: с той поры, как во время гонения исповедал я имя Спасителя нашего - я остерегался, да не изыдет, после исповедания истины, ложь из уст моих. И, раз возлюбив небесное, да не уклонюсь к пристрастию к земному - и во всем этом благодать Божия помогала мне. Да и не нуждался я ни в чем земном: ангелы Божии приносили мне пищу, которую я желал иметь. И знал я, по милости Божией, обо всем, что происходит в мире... Сердце мое всегда просвещалось светом Божиим и, озаряемый им, я не нуждался во сне - всегда разгоралось во мне желание видеть Его... По милости Божией мой Ангел-Хранитель не отступал от меня, научая меня каждой добродетели - в здешнем мире... И этот свет неугасимо сиял в душе моей... И все прошения мои исполнял Господь без промедления... Часто являл Он мне тьмы тем ангелов, предстоявших Ему. Видел я и лики праведных, и сонмы мучеников, и соборы иноков и всех святых, в чистоте сердца немолчно прославляющих Господа. Видел я и сатану и аггелов его, осужденных на огонь вечный, равно как и вечное блаженство, уготованное праведным.

Вот что и многое другое, подобное сему, рассказывал он им в течение трех дней, а затем - предал дух свой Богу.

И тотчас увидели они, как ангелы приняли его душу и понесли на небо... И слышны им были песнопения, которыми душа его, восходя ко Господу, вместе с ангелами воспевала хвалу Всевышнему...

О Гелене.

Другой святой муж жил так же здесь, по имени Гелен. С малолетства научали его служить Господу. Благодаря строгому воздержанию и святым правилам - он достиг высокого духовного совершенства. Еще отроком, живя уже в монастыре, он носил, в случае надобности, из соседнего монастыря горящие уголья, без всякого вреда для одежды. Дивились братия чуду и старались подражать его пламенной ревности и его подвигам...

Однажды он жил один в пустыне, и у него родилось желание вкушать меду. Обратившись назад, он увидел соты в расселины скалы. Сообразив, что то - обман врага, тотчас укорил сам себя: "отступи от меня, обманчивая и прельщающая похоть! В Писании сказано: духом ходите и похоти плотские не совершайте!" (Гал. 5,16). И тотчас покинув самое место, удалился в глубину пустыни и там предался строжайшему посту, как бы в наказание себя за плотские вожделения. Наступила уже третья седмица, и вот он видит разбросанные по пустыне разного рода плоды - и то были сети коварного врага... Уразумев это, он воскликнул:

- Не буду есть и даже не дотронусь, да не соблазню брата моего, то есть, душу мою. Написано: не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе Божиим (Мф. 4,4). Пошла уже четвертая неделя поста... Однажды он погрузился в легкий сон, и вот ангел Господень предстал ему и сказал:

- Встань и вкуси что найдешь, без всяких сомнений!

Пробудившись, он увидел тихо струившийся источник, берега которого были окаймлены нежными и ароматическими растениями. И стал он срывать их и вкушать и пить воду из источника. Уверял он потом, что никогда во всю жизнь он не пил ничего слаще и приятнее. В той же местности он нашел пещеру, в которой иногда находил отдых. И с тех пор, по милости Божией, у него никогда не было недостатка ни в чем, необходимом для телесного подкрепления - все подавал ему Бог по его просьбе.

Однажды отправился он для посещения троих недужных братьев и понес им кое-что для телесного подкрепления их. На пути он утомился от тяжести ноши. Вдруг видит - дикие ослы перебегают пустыню. И он воскликнул: "во имя Господа Иисуса Христа - пусть один из вас подойдет ко мне и возьмет на себя мою корзину!" И вот один из стада приблизился к нему, как вполне ручное животное. С видимой охотой осел понес на себе и тяжесть самого отшельника. Таким образом он очень скоро прибыл к цели своего путешествия.

В другое время он пришел в один монастырь в день Воскресный и, видя, что братия не справляют празднования, спросил о причине. Ему ответили, что священник, живущий за рекою, не мог прибыть к ним из опасения крокодила. Тогда он сказал: "если хотите, я отправлюсь и приведу его к вам". И тотчас идет к реке. Лишь только он призвал имя Господне, лютей зверь является пред ним - тот самый зверь, до сих пор губивший людей, служит теперь колесницей для праведника... С видимым страхом склонившись пред человеком Божиим, он принял его на себя и перевез на другую сторону реки. Гелен немедленно приходит к пресвитеру и просит, чтобы он прибыл к братии. Надобно заметить, что проситель одет был в самую дешевую и плохую одежду. Пресвитер изумился и стал расспрашивать: кто он такой, откуда и что ему нужно от него? Но, узнав в нем человека Божия, немедленно последовал за ним. Подошли к реке. Пресвитер начал было снова отговариваться под тем предлогом, что нет лодки.

Тогда Гелен сказал ему:

- Не беспокойся, отче! я приготовлю тебе переправу. И, громко возгласив, повелел явиться зверю. Зверь немедленно явился на зов и кротко подставил свою спину. Взойдя прежде сам, Гелен стал звать пресвитера.

- Входи и ничего не бойся!

А тот, при виде зверя пришел в ужас и бросился было бежать...

Великий ужас объял всех, видевших как человек Божий, сидя на крокодиле, переправлялся через реку.

Высадившись на берег, он привел с собою и зверя. Затем сказал ему: "лучше тебе погибнуть, чем быть обвиняем в гибели столь многих людей!" И зверь, распростершись по земле, тотчас издох...

Целых три дня провел Гелен в обители, наставляя братию духовной мудрости. Некоторым он открыл тайные помышления и советы сердца: один увлекался духом прелюбодеяния, другой - духом гнева, третий - сребролюбием, другие - духом тщеславия и духовной гордости. В других, напротив, прозревал кротость, праведность, терпение... Таким образом, обличая пороки и одобряя стремление к добру, возбуждал всех к исправлению и достижению духовного совершенства. И те, которых он обличал, сами должны были признать, что он как бы читает в душах их, и сокрушались сердцем.

Собираясь в путь, он сказал:

- Приготовьте овощей к приходу братьев.

Начали говорить, и вот являются братия. Приняв их с честью, он сам удалился в пустыню.

Между тем один из братии просил его, чтобы он дозволил ему жить с собою в пустыне.

- Ах, ответил Гелен, тяжел и многотруден подвиг - противостоять искушениям злых духов!

Но юноша еще усерднее настаивал на своем желании, обещая, что он все будет терпеливо переносить, лишь бы он позволил ему разделять его подвиги. Тогда, взяв его с собой в пустыню, он повелел ему жить в соседней пещере.

И вот слетелись злые духи ночью к юноше в пещеру. Сперва возмущали его душу гнусными и нечистыми помыслами и затем, неистово ринувшись на него, грозили ему смертью... Юноша опрометью бросился вон из пещеры и, прибежав в келию святого Гелена, рассказал, что пришлось ему испытать. Авва немногими словами успокоил его, ободряя его к вере и терпению. Отведя обратно юношу в его пещеру, он провел пальцем на песке близ пещеры некую черту и сказал, как бы обращаясь к злым духам: "именем Господа запрещаю вам переступить эту черту!" И юноша более не терпел прежнего беспокойства.

Рассказывали про него, что и он, этот юноша, подвизаясь в пустыне, часто удаивался пищи, посылаемой свыше. К нему приходили братия, и он не имел ничего предложить им для подкрепления. Тогда некто, в виде юноши, приносил ему хлеб и все необходимое, никогда однако не входя в пещеру, но оставляя принесенное у порога. И говорил он тогда братии:

- Благословим Господа, уготовавшего нам трапезу в пустыне!

Вот что и многое другое рассказывал нам о жизни и подвигах святых отцов авва Коприй, с сердечной теплотой наставляя нас. После беседы он повел нас в свой садик и показал нам пальмы и яблони, возвращенные им.

- Все это я развел здесь, сказал он, вразумленный верою поселян.

Если уж они выказали такую веру, что, собрав песок из-под ног наших, рассеивали его по полям и бесплодной земле сообщили дивную силу плодородия, - стыд нам, размышляя я сам с собою, иметь недостаток веры сравнительно с теми, кому, по воле Божией, мы внушили веру...

Об Или.

С глубочайшим почтением взирали мы на одного старца, по имени Илию. Он жил в области Антиноя, главного города Фиваиды. Ему, как говорили, было уже около ста девяти лет... Воистину дух Илии почил на нем.. Много великого и дивного передавали нам об нем, рассказывали, что он семьдесят лет провел в самой дикой пустыне. Ужас и дикость этой местности неопишутся... И вот в ней-то старец прожил свой век, как бы позабыв о местах обитаемых... К нему вела тропинка, столь каменистая и узкая, что его трудно было и отыскать... Жил он в страшной пещере, приводившей в невообразимый ужас всех, смотревших на нее. И сам от глубокой старости дрожал всеми членами. Впрочем, не переставал ежедневно совершать знамения, исцеляя совершенно всех приходивших к нему от всякого недуга. Все отцы в один голос утверждали, что они даже и не помнят, когда он удалился в пустыню. Пищей ему до глубокой старости служило немного хлеба и фиников, а в молодости - говорили - он постился по целым неделям...

О Питирионе.

На обратном пути из Фиваиды нам встретилась на дороге высокая гора, чрез которую пробивается река. Грозная скала нависла над рекою. Страшно было взглянуть на нее... А между тем в крутизнах ее можно было видеть пещеры... Доступ к ним полон трудностей. В пещерах жило множество отшельников, и был у них авва, по имени Питирион. То был ученик блаженного Антония, а по кончине последнего - жил со святым Аммоном. Когда и Аммон скончался, он поселился на этой горе. Авва достиг высокого духовного совершенства, и дана была ему в изобилии благодать исцелений и великая власть над злыми духами - точно он наследовал сугубые духовные дары двух великих мужей, с которыми некогда подвизался... Он назидал многих, внушая правила духовной мудрости. Между прочим, он особенно подробно наставлял тому, как различать злых духов.

- Есть злые духи, служащие только известным порокам, но есть и такие, которые, замечая, что душа человека и ее расположения страдательно движутся под влиянием греха, повергают ее в крайнюю бездну зла и развращения... Желая приобрести власть над злыми духами пусть прежде в себе самом победит грех и страсти. И какой грех или какую страсть он одолеет в себе самом, - сообразно с этим и власть получит над злым духом этого греха и может изгонять его из одержимых им. Потому-то и следует стараться постепенно одолевать свои порочные наклонности, чтобы затем уже торжествовать и над нечистыми духами.

Авва дважды в неделю подкреплялся пищею, принимая какую-то болтушку из муки, да он и не мог уже вкушать другой пищи и по преклонности возраста, и по привычке.

Об авве Евлогии.

Видели мы святого авву Евлогия. Он имел благодать прозорливости.

Так, например, при возношении святых Даров, он прозревал в душе каждого, приступавшего к алтарю, достоинства или недостатки. Когда иноки готовились к принятию святых Тайн, он удерживал некоторых из них:

- Как это вы дерзаете приступать к святым Тайнам, говорил он, когда ваши души и их расположения направлены ко злу?!

Потом, обращаясь к каждому порознь, говорил:

- Ты в эту ночь был одержим блудными помыслами... А ты сказал в сердце своем: "не все ли равно - грешным или чистым приступать ко святому причащению?" Вон - тот колеблется в сердце сомнением: "может ли причащение святых Тайн освящать меня?" ...

Так он удерживал иных от принятия святых Тайн, говоря им:

- Подождите немного и принесите искреннее раскаяние, и тогда, очистившись исправлением порока и слезами сокрушения, станете достойными общения со Христом.

О пресвитере Апеллии и об Иоанне.

Видели мы еще одного пресвитера в соседней стране, по имени Апеллия. Этот праведный муж был по ремеслу кузнец и изготовлял, что нужно было для братии. Однажды в безмолвие ночи он занят был своей работой. Дьявол, приняв вид красавицы, пришел к нему как бы с заказом. Апеллий схватил голой рукой из горна кусок раскаленного железа и бросил ей в лицо. Страшно и пронзительно вскрикнув, так что услышали все жившие по соседству братия, она исчезла, и с тех пор он стал брать без всякого вреда голой рукой раскаленное железо.

При нашем посещении его он принял нас с необычайным радушием. Мы стали просить его, чтобы он поведал нам о своих подвигах и о духовном совершенстве тех, кого он знал.

- Здесь в соседней пустыне живет один брат, по имени Иоанн. Он уже в преклонном возрасте. По духовному совершенству, по строжайшему воздержанию я не знаю ему равного. Удалившись в глубину пустыни, он в течение трех лет без перерыва стоял под утесом дикой скалы... И никогда не садился и не ложился... Весь предавшись молитве, он спал лишь столько, сколько можно спать стоя на ногах. Пищу принимал по Воскресным дням. Тогда приходил к нему пресвитер и приносил ему святые Тайны. Они служили ему единственным питанием...

Однажды сатана, желая уловить его, преобразился в пресвитера, обычно к нему приходившего. Придя в обычный час, он сказал, что пришел со святыми Тайнами. Но прозорливый подвижник уразумел козни дьявола и с негодованием вскричал:

- О, отец всякого лукавства и лжи, враг истины! Ты не только непрестанно стараешься совращать души христиан, но - дерзнул на кощунство над страшными и святейшими Тайнами!

- Я надеялся было уловить тебя, - отвечал злой дух. Так мне удалось обмануть одного из ваших и лишиться его рассудка. Поверив мне, он так ослаб, что много праведных едва могли возвратить ему его достоинство и здравие.

И, сказав это, злой дух исчез.

Иоанн продолжал неуклонно пребывать в принятом на себя подвиге и в неустанной молитве. Ноги, остававшиеся долгое время без движения, потрескались и источали влагу с кровью... Прошло три года, и вот явился ему ангел Господень.

- Господь Иисус Христос, с Духом Святым, - сказал ангел, - принял твои молитвы. Исцеляя твои язвы, Он дарует тебе в изобилии небесную пищу, то есть, познание Его и Его слова...

И, прикоснувшись к его устам и ногам, ангел исцелил его раны и, исполнив благодати ведения и духовной мудрости, избавил его от чувства

голода. Затем - повелел ему отправиться в иные места и, проходя по пустыне, посещать других братьев, назидая их словом Божиим, и духовной мудростью. По Воскресным дням он всегда возвращался на то же место, ради принятия святых Тайн, как и прежде. В другие дни он трудился - плел для рабочего скота подпруги из пальмового листа, как это обычно в тех местах.

Однажды какой-то хромец собрался было к нему, чтобы просить об исцелении. Пришлось так, что животное, на котором хромой хотел пуститься в путь, имело на себе подпругу, сплетенную руками человека Божия. И вот лишь только ноги его коснулись подпруги, он выздоровел.

Другим больным Иоанн посылал благословенный хлеб, и вкушавшие от него получали исцеление. И много сил и дивных исцелений явил чрез него Господь.

Вот еще какой благодатный дар имел он от Бога, отличавший его от других отцов и прочих людей: ему открыто было поведение каждого брата в соседних монастырях, и он писал отцам, извещая, что вот такие-то и такие-то предаются нерадению и не исполняют в страхе Божиим положенного правила, а другие - преуспевают в вере и духовном совершенстве; писал и самим братьям, укоряя одних, что они причиняют скорбь братии своим малодушием в терпении, а других одобряя за то, что своей благочестивой, твердой и подвижнической жизнью утешают братию. При этом он предсказывал, какое воздаяние уготовано от Господа за святость жизни, и что, напротив, грозит нерадивым. Деяния, и самые поводы к ним, подвиги, равно как и нерадение, он заочно так изображал, что иноки, сознавая правду написанного про них, приходили в сокрушение совести.

Обращаясь вообще ко всем, он убеждал, чтобы возвышались духом от видимых и вещественных предметов к невидимым и духовным.

- Пора, пора уже, - говаривал он, - перестать быть детьми, пора возвышаться нам к высшему и духовному, пора, восприяв зрелость мужества, восходить на высшую степень разумения, да просияем, насколько возможно, духовным совершенством.

Много и другого рассказывал нам об авве Иоанне святой муж Апеллий

- и неопровержимо - достоверны были его речи... Но много бы времени потребовалось на то, чтобы записать все, да сверх того, по величию содержания, для иных слушателей многое показалось бы и невероятным...

О Пафнутии.

Пришлось нам быть в монастыре святого Пафнутия, человека Божия.

Это был славнейший в тех местах отшельник и самый дальний житель пустыни в области Гераклеополя, знаменитого города Фиваиды.

Вот какие достоверные рассказы слышали мы о нем от отцов:

Достигши высоты ангельской жизни, он однажды просил Бога указать ему, с кем сравнялся он из угождающих Ему. И предстал ему ангел Господень.

- Ты подобен одному скомороху, который в соседнем селении теперь промышляет своим искусством ради пропитания.

Пораженный неожиданностью ответа, Пафнутий поспешно отправляется в селение и разыскивает этого человека. Найдя, он принимается тщательно расспрашивать его, не сделал ли он чего святого и истинно доброго - вообще подробно исследует его жизнь. Тот правдиво отвечает:

- Я - человек грешный, и вся жизнь моя - пропащая... Недавно еще я был разбойником, а теперь вот, как видишь, чем занимаюсь... самый позорный промысел...

Пафнутий однако продолжал настойчиво расспрашивать.

- Не сделал ли ты хоть какого-нибудь доброго дела, будучи еще разбойником?

- Нет! - отвечал скоморох. - Не знаю за собою ничего... Впрочем припоминаю один случай... Занимаясь разбоем вместе с другими, мы похитили однажды деву, посвятившую себя Богу. Товарищи мои собрались было изнасиловать ее, но я один воспротивился этому и избавил ее от бесчестия. Проводивши под покровом ночи в селение, я в безопасности оставил ее в ее доме.

В другое время мне повстречалась блуждавшая по пустыне женщина почтенного вида.

- Зачем и как попала ты в эти места? - спросил я ее.

- Ах, не спрашивай меня... Нет несчастнее меня в целом мире... Не спрашивай о причине моего несчастья... Если нужно тебе иметь рабу, возьми меня и иди куда хочешь... У меня, несчастной, есть муж, но его то и дело ужаснейшим образом бичуют - да какому только истязанию не подвергают его в темнице?! Его не выводят иначе из места заключения, как только для новых истязаний... И все это за казенный долг... У нас было три сына, которые все за тот же долг проданы в разные страны в рабство. Да и меня, несчастную, разыскивают для подобных же мук... И вот я бегаю с одного места на другое, голодная и сокрушенная несчастием... Вот почему я скрываюсь и блуждаю здесь... Три дня я ничего не ела...

Мне жаль стало бедняги. Я привел ее в свою пещеру и накормил. Она совсем была без сил от голода. Потом я вручил ей триста золотых монет. За эту сумму, по ее словам, страдали ее муж и дети. Возвратившись в город, она заплатила долг и освободила всех.

И сказал тогда Пафнутий:

- Я ничего подобного не совершил... Однако, полагаю, и ты слышал, как славно имя Пафнутия между иноками... И многих трудов и силы воли стоило мне устроить мою жизнь по строгим правилам подвижничества. Однако Бог открыл мне о тебе, что ты несколько не меньше заслужил пред Ним, чем я... Смотри же, брат! Не забывай о душе своей: великое воздаяние готовится тебе у Господа.

И тотчас скоморох бросил свою дудку и последовал за Пафнутием в пустыню. Променяв свое музыкальное искусство на духовную гармонию жизни и духа, он в течение трех лет подвизался в строжайшем воздержании, день и ночь проводя в молитвах и псалмопениях. Пройдя небесный путь духовного совершенства, он скончался среди хоров ангельских...

После того как Пафнутий предпослал ко Господу бывшего скомороха, усовершенствовавшегося в добродетели, сам он предается еще большим подвигам, чем прежде. И снова просит он Господа явить ему, кому подобен он из угождающих на земле. И вот глас Божий с неба говорит ему: "подобного себе найдешь в лице старшины того же селения."

Услышав это, Пафнутий без промедления отправляется к нему и стучится в дверь его жилища. У старшины был обычай принимать странников. И вот он спешит к нему навстречу, ведет к себе в дом. Омыв сам ему ноги, сажает за стол и готовит угощение. За столом Пафнутий начинает расспрашивать своего хозяина: как он подвизается, к чему лежит его сердце, вообще - в чем состоят его труды? Старшина ответил ему с глубоким смирением и, видно было, желал бы скорее скрыть, чем объявлять о своих достоинствах. Тогда Пафнутий, укорив его за скрытность, сказал:

- Мне Господь открыл, что ты достоин быть соучастником жребия подвижнического.

Хозяин, выражая еще большее смирение, отвечал:

- В душе я не сознаю за собою никаких заслуг. Но так как был к тебе глагол Божий, не скрою по крайней мере того, что есть. Я расскажу тебе, как я устроил свою жизнь, живя в миру. Вот прошло уже тридцать лет с тех пор, как я со своей супругой согласился жить, как брат с сестрой, и никто не знает об этом. Я имею от нее трех сыновей - и, только желая иметь детей, я вступил в брачный союз с нею. А после рождения третьего сына я не вступал в общение с супругой, ни с какой-либо другой женщиной... Никогда я не пропускал случая принять странника, напротив - всегда заботился о том, чтобы кто-нибудь раньше не назвал его к себе. И не отпускал никогда гостя моего из дома, не снабдив его на дорогу. Я не призирил бедняков, и делился с ними всем необходимым. Заседая в суде, я не нарушал правосудия даже ради родного сына. Плоды чужих трудов никогда не проникали в дом мой. Замечая ссору, я не проходил мимо, но старался примирить ссорившихся. Никто никогда ни в чем не упрекнул моих домочадцев. Никогда стада мои не причиняли вреда чужим полям. А кто заседал мой участок, я тому не препятствовал... При распределении новых полей я никогда не выбирал для себя более плодородные участки, оставляя другим бесплодные. На сколько мог, не давал в обиду слабого более сильному. Всегда заботился о том, чтобы никого не опечалить. Если случалось предательство на суде, я никого не обвинял, но прилагал все усилия к тому, чтобы склонить враждующие стороны к примирению... Так, по милости Божией, протекла до сих пор вся моя жизнь!

Выслушав это, блаженный Пафнутий поцеловал его в голову и благословил, сказав: "благословит тя Господь от Сиона и узриша благая Иерусалима (Псал. 77). Ты жил прекрасно и по-христиански. Но тебе не достает еще одного высшего блага. Оставив все, ты должен достигнуть более глубокого познания Бога. Этого не можешь достигнуть иначе, как совершенно отвергшись себя, взяв крест свой и последовав Христу." Выслушав это, хозяин дома немедленно, даже ничем не распорядившись по своему хозяйству, последовал за человеком Божиим в пустыню. Вот они подошли к реке. Лодки для переправы не было у них под рукой. Пафнутий первый вошел в реку, не смотря на то, что глубина реки в том месте была очень велика. Вместе они перешли через реку, и вода едва доходила им до чресл. Придя в пустыню, Пафнутий поместил его в одной пещерке, близ своей обители. Предав ему правила духовного подвижничества, он научил его, как выполнять их на самом деле, чтобы достигнуть высшего совершенства и более полного постижения тайн Божиих. Наставив его во всем, Пафнутий предался немедленно еще большим подвигам. Не велики, думал он, прежние мои подвиги, если, живя в миру и занимаясь мирскими делами, можно достигнуть того же успеха. И сказал сам себе Пафнутий: "вот как много добра творят мирские люди! Не должны ли мы превосходить их в подвигах самоотречения?"

Прошло несколько времени. И тот человек, кого он нашел уже совершенным в жизни, достиг совершенства и в мудрости духовной. Сидя однажды в своей келии, Пафнутий видел, как ангелы возносили душу его, воспевая: блажен, его же избрал еси и приял - вселится во дворах Твоих! (Пс. 64,5). Услышав это, Пафнутий понял, что этот муж отошел из мира сего. Между тем сам авва пребывал в посте и молитвах, стремясь еще с большим усердием к высшему духовному совершенству.

И снова стал он просит Господа явить, кто подобен ему между людьми. И снова глас свыше ответил ему: "ты подобен купцу, который - видишь - идет к тебе. Встань и поскорее поспеши к нему на встречу! Это - муж, который, по суду Моему, равен тебе!" И Пафнутий немедленно сходит с горы и спешит навстречу александрийскому купцу, который вез из Фиваиды на трех кораблях товары ценностью в тридцать тысяч золотых монет. Это был человек благочестивый и ревнитель добрых дел. Возложив на своих слуг десять мешков с бобами, он приносит их в дар человеку Божию. По этой-то причине он и шел к Пафнутию. Лишь только Пафнутий завидел его, как воскликнул:

- Что с тобой, бесценная и Богу любезная душа? Зачем тебе трудиться над земными вещами, когда тебе уготован жребий и общение с небожителями? Предоставь все это тем, кто от мира сего и помышляют о мире. Ты же будь купцом царства Божия, к которому ты призван, и следуй за Спасителем, Который скоро возьмет тебя к Себе!

И купец, нисколько не задумываясь, роздал большую часть своего имущества, и что осталось - повел своим приказчикам так же раздать нищим. А сам удалился с Пафнутием в пустыню. Пафнутий поместил его в той же келии, откуда отошли ко Господу оба прежние его обитатели. И этого мужа он научил всему, и он преуспевал в духовном подвижничестве, стремясь к высшей мудрости. Прошло немного времени, и он переселился в сонм праведных.

Вся жизнь Пафнутия прошла в подвигах строжайшего воздержания. Спустя немного времени по кончине купца, предстал ему ангел Господень и сказал:

- Пора настала, благословенный, и тебе отойти отсюда и вселиться в вечные обители, которых ты удостоился. Вот предстоят пророки, готовые принять тебя в свой лик. Я не открывал тебе этого раньше, чтобы возгордившись, ты не лишился бы награды за свои подвиги.

Прошли еще сутки. И пришли к нему пресвитеры, которым поведал он все, что явил ему Господь, и в заключение сказал:

- Не должны мы презирать никого в здешнем мире - будь то разбойник или комедиант, простой ли земледелец, женатый ли человек, купец ли, преданный своей торговле... Во всех родах жизни найдутся души, угодные Богу и совершившие деяния, нам неизвестные, но услаждающие Бога. Ясно, что Богу угодны не столько тот или другой род жизни или внешнее поведение, сколько чистота и внутреннее расположение сердца, и нравственное достоинство поступков.

Так побеседовав о каждом из троих порознь, предал дух свой. И пресвитеры явственно видели, как взяли его душу ангелы Божии, вознося песнопения и хвалу Богу.

О монастыре аввы Исидора.

Мы видели в Фиваиде славнейший монастырь аввы Исидора, расположенный на обширном пространстве и обнесенный стенами. Жившие там

мужчины имели просторные помещения. Внутри обители много колодцев и искусственно орошаемых садов. В садах - множество разного рода фруктовых деревьев, да и всего другого, необходимого для жизни в монастыре, - не только в достаточном количестве, но даже в изобилии. Поэтому живущим там инокам нет никакой необходимости выходить из монастыря. У врат обители сидит почтенный старец, избираемый из числа начальствующих. Его обязанность состояла в том, чтобы принимать приходящих и при этом объявлять им правило: вступивший раз в монастырь обратно уже не выходит из него... Хотя бы кто всего только один раз захотел побывать в монастыре, - закон оставался во всей силе... Но что всего удивительнее, - вступившего в обитель удерживал в нем уже не устав, но - блаженная и святая жизнь... Старец-привратник имел у самых врат келию, в роде гостиницы, для приема приходящих. Там заботился он об них с истинным человеколюбием. Там же и мы были им приняты. Проникнуть внутрь стен нам не было никакой возможности, и мы лишь от старца-привратника слышали, какое блаженство назидания могли бы мы найти в обители.

- Всего только два старца, - говорил он, - имеют разрешение свободно выходить и возвращаться в обитель: они продают изделия братии и приносят что-нибудь со стороны, если встретится надобность. Все же остальные в глубоком безмолвии и покое предаются молитве и подвигам. Украшенные духовным совершенством, они все творят знамения, но самое удивительное знамение состоит в том, что никто никогда не бывает болен до упадка сил. Когда приспел час кончины, предузнав его, брат объявляет о том прочей братии и, сказав всем последнее: "прости!" возлегает на одр и радостно предает дух свой...

О пресвитере Серапионе.

В арсинойской области мы встретили пресвитера Серапиона, настоятеля многих монастырей, в которых, под его руководством, подвизалось около девяти тысяч иноков. Все они кормились трудами рук своих. Больше всего - они занимались за определенную плату жать засеянные нивы, и большую часть этой платы употребляли на пользу бедных, вручая ее авве Серапиону. Впрочем обычай наниматься на работу во время жатвы распространен вообще между всеми египетскими иноками. На заработанную плату они приобретают каждый около восьмидесяти модий зерна и большую часть хлеба предоставляют в пользу бедных. Так трудами иноков прокармливаются все бедные в Египте. Мало того: корабли, нагруженные хлебом, посылаются в Александрию то в пользу заключенных в темницах, то в пользу странников - вообще всех нуждающихся. Даже и в Египте нет недостатка в бедняках, которые не нуждались бы в щедрых дарах милосердия. И в областях Мемфиса и Вавилона мы видели множество иноков, в которых заметили различные духовные дарования и прекрасные нравственные черты. Там, говорят, есть место, где некогда Иосиф хранил пшеницу - оно называется сокровищницей Иосифа. По словам других, там уцелели те же самые пирамиды, в которых собиралась пшеница во времена Иосифа.

Об иноке и мученике Аполлонии.

Старцы рассказывали нам, что у них во время гонения был один иннок, по имени Аполлоний. Благодаря своему достойнейшему поведению, он был возведен в сан диакона. Во время гонения он с неутомимой ревностью обходил братию и каждого порознь убеждал твердо стоять за веру, до мученичества. Наконец он сам был схвачен и брошен в тюрьму. Язычники приходили издеваться над ним и поносили его нечистыми и богохульными словами.

Между ними был один весьма славный флейтист, по имени Филимон. Он напал на Аполлония с ругательствами, называл его и нечестивцем, и злодеем и обманщиком, кричал, что, кроме ненависти, он ничего не заслуживает. Много и долго со злобой поносил он Аполлония... В ответ на все его ругательства Аполлоний сказал ему: "да помилует тебя, чадо, Господь и да не вменит тебе во грех твоего поведения!" Эти слова глубоко тронули Филимона - точно со сверхъестественной силой проникли они в его душу, и он неожиданно объявил себя христианином. Прямо из темницы он бросился к судилищу и пред лицом всего народа громко сказал судье:

- Что это творишь ты, несправедливый и незаконный судья? - Ты казнишь людей благочестивых и боголюбивых! Ничего дурного - ни дел, ни слов - нет у христиан!

Судья знал Филимона и сперва вообразил, что он шутит. Но, увидав, что Филимон в самом деле порицает его и притом с твердым убеждением, вскричал:

- Что за безумие, Филимон!? Ты вдруг помешался!

- Не я - безумец, - ответил флейтист, - но ты - беззаконнейший и безумнейший судья, бесчестный губитель столь многих праведных мужей! Я - сам христианин! Нет людей на свете лучше христиан!..

Тогда судья, при всем народе, попытался было лаской склонить Филимона вернуться к прежнему образу мыслей, но, увидев его непоколебимым, подверг его всевозможным истязаниям. Узнал он также, что вся эта перемена произошла от слов Аполлония. Принялся за Аполлония и, обвинив его, как совратителя, предал ужаснейшим мучениям.

- О, если бы ты, судья, - воскликнул Аполлоний, - вместе со всеми здесь присутствующими и слышащими слова мои, последовали тому, что ты зовешь оболъщением и заблуждением!

Расширепев от этих слов, судья пред глазами всех приказывает сжечь живыми Аполлония и Филимона.

Вот оба вошли в средину пламени, и блаженный Аполлоний, в слух всех, громко воззвал ко Господу:

- Не предаждь зверям душу, исповедующуюся Тебе (Пс.73,19), но яви нам милость Твою и спасение Твое! (Пс. 84,8).

И внезапно, после этих слов, росоносное облако покрыло обоих мужей и угасило пламень костра.

Судья и весь народ были поражены изумлением и вскрикнули разом:

- Велик Бог христианский, единый истинный и бессмертный!

Обо всем происшедшем было доведено до сведения префекта александрийского. Но тот пришел в бешенство от злобы и, избрав из своих служителей самых жестоких и кровожадных, которых правильнее было бы назвать зверями, чем людьми, послал и за судьей, поверившему Божию знамению, и за теми, ради кого Бог явил его, приказав, чтобы их в оковах привели в Александрию. Дорогой благодатный дар слова снизошел на Аполлония, и он начал наставлять веру самих исполнителей приказа префекта, которые вели всех троих в узах. И они уверовали в Божие милосердие всем сердцем, со всей крепостью... По прибытию в Александрию они объявили себя на суде христианами вместе с теми, кого доставили в узах... Увидав их стойкость и непоколебимость в вере, префект велел всех вместе потопить в море. Нечестивый, он не ведал, что творил... Для святых мучеников это было не смертью, но крещением... Тела, без сомнения, по Божию смотрению, целыми и

невредимыми волны морские вынесли на берег и были приняты теми, которые пришли вместе с ними в Александрию, чтобы послужить исповедникам. И все они были погребены под сводом одной общей могилы. Дивные знамения совершаются над ними, и слышат они молитвы и исполняют прошения всех, к ним прибегающих. И нас Господь удостоил побывать там и благоволил исполнить наши молитвы.

О пресвитере Диоскоре.

В Фиваиде мы встретили одного достопочтенного авву, по имени Диоскора. Он был пресвитером, и в обители его жили почти двести человек братии. Мы заметили, что он прилагает величайшее попечение к тому, чтобы во время причащения святых Тайн кто-нибудь не приступил бы к ним с каким-нибудь пятном на совести. Заботливость его о чистоте сердца простиралась до того, что он обращал внимание даже на естественные явления во время ночного сна - случается ли это при видении во время сна женщины, или вследствие простых естественных причин.

- Если, - говорил он, - дело происходит без соблазнительных сновидений, тогда это не составляет греха, - явление естественное... А вот если в сновидениях являются женщины и происходит плотское возбуждение, то это уже указывает на то, что душа занята нечистыми пожеланиями, откуда и рождаются нечистые помыслы. Потому-то инокам необходимо всячески отражать соблазнительные образы фантазии и отнюдь не услаждать своих чувств дьявольскими оболщеньями. В противном случае - какое же различие будет между иноками и мирянами? Инокам следует укрощать и одолевая постом и молитвою естественные плотские возбуждения. Посмотрите - даже живущие в роскоши, заболев, исполняют предписания врачей и воздерживаются от того, что им вредно. Что ж сказать об иноке, главная цель которого - здоровье тела и души?

О Нитрийских отшельниках.

Перейдем наконец к той местности, которая считается славнее всех египетских монастырей - именно к горе Нитрийской. Она отстоит от Александрии на расстоянии сорока миль и называется по имени близлежащего селения, где добывается селитра. Воистину, по Божию смотрению, устроилось так: здесь, подобно нечистотам, отмываются и истребляются грехи людские... В этой местности виднеется до пятидесяти хижин или немного менее. В иных хижинах по несколько человек вместе, в других - понемногу, а где - по одному. Но живя отдельно друг от друга, все соединены нераздельно духом, верою и любовью. Один настоятель руководит всем братством.

Когда мы стали подходить к Нитрии, лишь только братия заметили гостей - странников, как тотчас, подобно пчелиному рою, высыпали каждый из своей келии. Радостно бежали они к нам. Многие несли с собою кувшины с водою и хлеб. Да, к ним нельзя было отнести слова пророка: к сынам Израилевым ты не вышел на встречу с хлебом и водою! (2 Езд.13). После такой встречи они отвели нас к своей церкви, омыли нам ноги и вытерли их - каждый своим полотенцем. Казалось, что, облегчая этим труды путешествия, они как бы таинственно смывали скорби жизни человеческой...

Возможно ли словами изобразить их радушие, предупредительность и любовь?! Возможно ли описать, как все они наперерыв старались отвести нас в свою келию, как спешили выполнить долг гостеприимства, как охотно беседовали о смирении, которым они в особенности отличались, о кротости, о других совершенствах, как будто они только для того и удалились от мира, чтобы во всем этом упражняться одинаково всем вместе, хотя и по действию многообразной благодати Божией. Нигде мы не встречали такой искренней любви, такого горячего милосердия, такого рвения к гостеприимству. Нигде не видели также такой любви к изучению Писаний, к Богомыслию, к духовной мудрости, так что мы чувствовали себя как бы среди витий божественной мудрости...

О местности, носящей название "Келии".

За Нитрийской горой дальше в глубине пустыни на расстоянии десяти миль находится местность, которую, по множеству рассеянных по пустыне келий, так и называют "Келии". Сюда удаляются только те, кто достаточно приготовился к более уединенной жизни в Нитрии. Пустыня весьма обширна, и келии находятся одна от другой на столь обширном расстоянии, что обитатели их не могут ни видеть, ни слышать друг друга.

Отшельники живут по одному в келии и в глубоком безмолвии, в не нарушаемой тишине. Только по субботам и дням Воскресным они сходятся все вместе во храм и только тогда видят друг друга, как бы являясь друг другу с неба. Если кто-нибудь не окажется в собрании, все тотчас узнают, что его удержала в келии какая-нибудь болезнь. Тогда все считают своим долгом навестить его, только не все враз, но по одному в разное время, и каждый приносит с собой что-нибудь для утешения больного. Под другим же предлогом никто не дерзает нарушить безмолвия своего ближнего - разве только тот, кто одарен особым даром назидания, зайдет к кому-либо со сладостным словом утешения, подобно тому, как могучих бойцов намащают елеем на поприще для состязания. Многие из них приходят в церковь за три и за четыре мили - так далеко отстоят одна от другой их келии! Но любовь между ними так сильна, так глубоко чувства их расположения друг к другу, да и ко всем братьям, что они служат предметом удивления и примером для всех. Вот почему при первой же вести, что кто-нибудь желает жить с ними, каждый спешит предложить свою келию.

Об Аммонии.

Мы видели в Келиях маститого авву Аммония. Это был муж, на которого Бог излил всю полноту духовных дарований. Если обратить внимание на дарование любви, в нем обитающей, невольно скажешь, что ничего подобного нигде ни видал. Если посмотреть на его смирение, можешь подумать, что это - главная в нем добродетель. В терпении, кротости, снисходительности, словом - в каждой добродетели он настолько преуспел, что придешь в недоумение, что и чему в нем предпочесть... Господь так щедрил его дарами духовной мудрости и ведения, что, кажется, никто из всех отцов глубже его не проникал в храм всецелого ведения, в тайны Божественной мудрости, как свидетельствовали все, кто только его видел. При нем были два брата: Евсейий и Евфимий. Старший Диоскор был вызван на епископскую кафедру. И эти братья были ему братьями не по плоти только, но и по жизни, по своим правилам, по полноте духовного совершенства. Подобно тому как мать-кормилица с нежной заботливостью ходит за детьми, так они заботились о назидании и об утешении братий, живших там, и таким образом возводили их на высоту духовного совершенства.

Аммония, человека Божия, мы видели в его собственном монастыре. Монастырь обнесен стеною. В тех местах нетрудно построить обширное здание из обожженных кирпичей. Обитель снабжена всем необходимым. Сам он ископал в ней и колодезь. Однажды пришел к нему брат, ища спасения, и стал просить, не найдется ли у него свободной келии для жительства.

- Я поищу, - ответил Аммоний, - а ты тем временем поживи в этом монастыре. Я же сейчас отправляюсь искать...

И оставил он все этому брату, вместе с монастырем, а сам вдали от того места нашел маленькую келию и там поселился. Между тем оставленный в монастыре брат не догадывался, что Аммоний уступил ему монастырь со всем, что в нем было...

После того если приходило к нему много братий, ищущих спасения, Аммоний, собрав всех, в один день выстраивал монастырь, при усердной помощи братии. А когда приходилось принимать по одному, то вновь прибывшие приглашаемы были во храм как бы для отдохновения и пока они там находились, братия спешили - каждый из своей келии - принося все необходимое для устройства новой келии. Из этих приношений братской любви вновь устроенная келия снабжалась всем необходимым для жизни, и никто не знал, кто и что пожертвовал. К вечеру пришельцы, входя в келию, находили там в полной готовности все необходимое, так что нельзя было усмотреть решительно ни в чем никакого недостатка.

О Дидиме.

Из числа живущих там старцев мы видели благочестивого мужа, по имени Дидима. Презобилие благодати Божией отображалось даже на его лице. В тех местах, под палящим зноем солнца, размножаются скорпионы, рогатки и весьма ядовитые змеи. Он их давил и попирал ногами, как земляных червей, без всякого вреда для себя.

О Хронии.

Там же мы видели одного старца, достигшего глубокой старости, по имени Хрония. Воистину добрая старость и совершенный возраст: ему шел сто десятый год! Он был один из числа уже немногих, оставшихся в живых, учеников блаженного Антония: многими добродетелями он был украшен, но особенно поразила в нем безмерная благодать смирения...

Об Оригене.

Вот и еще один ученик Антония, живший там, по имени Ориген. Муж удивительный во многих отношениях, высокой духовной мудрости... Его рассказы о духовном совершенстве его великого наставника были глубоко назидательны для всех. При этом речь согревалась чистым пламенем воодушевления: все, о чем он рассказывал нам, точно воскресало и оживало перед очами слушателей.

Об Евагрии.

Пришлось нам увидеть мудрейшего мужа Евагрия, не менее удивительного во всех отношениях. Между другими благодатными дарованиями - он обладал дивным даром различения духов и очищения, по слову апостола, помышлений. Никто из братий не возвышался до такой высоты понимания тончайших духовных предметов и отношений. Он приобрел этот дар из жизни, из собственного духовного опыта и, что важнее всего, при помощи благодати Божией. Но не мало помогло тому и то, что он долгое время был учеником блаженного Макария. Всем хорошо известно, как прославился святой Макарий благодатными дарами, знаменами и духовным совершенством.

Сам отличаясь почти невероятным воздержанием, Евагрий советовал братиям, подвизавшимся в укрощении плоти, в отражении возникавших, при влиянии демонов, плотских мечтаний, воздерживаться от излишнего употребления воды.

- Если тело наполнится в избытке водою, оно порождает больше мечтаний и соблазнительных помыслов и доставляет таким образом злым духам просторный доступ.

Много и других, полных глубокого смысла, рассуждений о воздержании слышали мы от него.

Сам он пил весьма мало воды и вкушал совсем ничтожное количество хлеба. Да и другие братия, жившие в том месте, довольствовались только хлебом и солью. Трудно было найти кого-нибудь, кто употреблял хотя бы деревянное масло. Многие из них никогда не ложились для сна, но отдыхали сидя, как бы непрерывно погруженные в Богомыслие...

О двух Макариях и прежде всего о Макарии Египетском.

Тамошние отцы рассказали нам о двух Макариях, живших раньше в той местности. Из них один был из туземцев египетских, другой - александриец. Первый был учеником блаженного Антония. Точно два небесных светила просияли они. Нося одно имя, они походили друг на друга и духовными совершенствами и величием благодатных дарований. Оба - Макарии, оба - строгие подвижники, оба одинаково совершенны... Один другого превосходил разве только тем, что наследовал благодатные силы и духовные совершенства блаженного Антония.

Вот что рассказали нам:

Однажды по соседству случилось человекоубийство, и в этом злодеянии обвиняли одного невинного человека. Обвиненный прибег к покровительству Макария. Сюда же пришли с уликами и его обвинители.

- Ведь мы все подвергнемся опасности, - говорили они, - если оставим убийцу на воле и не предадим всей строгости закона!

Между тем обвиненный с клятвой утверждал, что невинен в крови убитого.

Начался горячий спор между обвиненным и обвинителями.

- Где погребен убитый? - спросил Макарий.

Ему указали место. Тогда он вместе с обвинителями отправляется на могилу и, склонив колена, призвал имя Господа Иисуса и затем воскликнул, обращаясь к толпе:

- Сейчас Господь покажет, справедливо ли вы обвиняете этого человека.

И, возвысив голос, назвал погребенного по имени, и тот отозвался на его зов из могилы...

- Заклинаю тебя верою во Христа, скажи, точно ли ты убит вот этим человеком, которого обвиняют в убийстве? - спросил Макарий.

И из глубины могилы явственно раздалось в ответ:

- Нет! Я убит не этим человеком!

Пораженные чудом, все пали на землю и, бросившись к стопам Макария, умоляли его спросить: кто же убийца?

- Нет! - возразил Макарий. Об этом я не стану спрашивать. Для меня достаточно освободить невинного, но не мое дело - выдавать виновного.

Вот еще о чем нам рассказали. В соседнем городе у одного отца семейства была дочь девица. Вдруг все по суеверию вообразили, что она - не человек, но лошадь... И привели ее к Макарию.

- Что вам нужно? - спросил Макарий.

- Вот это была наша дочь, - отвечают родители, - но злые люди при помощи чародейства обратили ее в лошадь. Помолись Господу, чтобы Он разрушил чары.

- Что это вы говорите? Я вижу перед собою не лошадь, но девушку, и нет в ней ничего лошадиного. Ваше воображение обманывает вам глаза - на самом деле ничего подобного нет. Это - демонское наваждение - не более.

Приведя девицу вместе с родителями к себе, он, преклонив колена, начал молиться. Заставил молиться вместе с собою и родителей. Потом, помазав ее елеем во имя Господне, уничтожил заблуждение, и все по-прежнему видели только девицу.

У одной девочки задняя часть тела так начала гнить, что обнажались уже внутренности... В огромной ране кишело бесчисленное множество червей... От ужасного смрада к ней нельзя было и подойти близко. Родители принесли и бросили ее у входа в его келию. Подвижнику стало жаль отроковицы.

- Успокойся, дочь моя, - сказал он. Это Господь послал тебе не для погибели, но для твоего спасения. Нужно позаботиться о том, чтобы твое исцеление не обратилось тебе в погибель.

В течение семи дней старец молил Господа о девице. Потом, благословив елей, помазал ее - и рана ее зажила, но - так, что в ней не осталось никакой наружной особенности женской природы. Она стала жить среди мужчин и никто даже не подозревал в ней женщины...

Передавали нам, что однажды пришел к нему какой-то еретик из секты иеракитов: этот род ереси встречается в Египте. Этот еретик своим красноречием смутил весьма многих братьев - пустынников, наконец дерзнул явиться к Макарию и обличать его в неправомыслии. Старец стал опровергать его. Еретик возражал на простые речи старца, отвечая хитрыми изворотами. Святой старец видел, какой опасности подвергается чистота веры братии.

- Что нам препираться к соблазну слушателей? - сказал Макарий.

Пойдем ко гробницам братьев, отшедших уже ко Господу, и кому из нас Господь даст силу воскресить умершего, - пусть знают все, чья вера угодна Господу.

Это предложение с радостью было принято братией.

Пришли на могилы. Макарий предложил еретику воскресить умершего во имя Господа.

- Нет, господине! - возразил тот. Ты предложил это условие - ты прежде и воскрешай.

И Макарий пал на землю и стал молиться.

После продолжительной молитвы, возведя очи ко Господу, воскликнул:

- Господи, яви нам, кто из нас обоих право верует, воскресив сего умершего!

И назвал он имя одного, недавно погребенного брата. И тотчас послышался голос из могилы...

Братия бросились разрывать могилу. Сняв с умершего погребальные пелены, вывели его вон из могилы живым. Увидев это, еретик, пораженный ужасом, бежал. Братия погнались за ним и изгнали за пределы той страны.

Много и другого рассказывали нам о Макарии, но нет возможности записать всего, да другие его деяния, сверх того, уже общеизвестны.

О Макарии Александрийском.

Другой святой Макарий также отличался великими добродетелями, о чем было уже писано другими писателями, и уже отсюда можно вполне усмотреть, как велико было его духовное совершенство. Потому мы скажем о нем покороче.

Нам рассказывали, что он более всех отцов любил пустыню. Самые дальние и недоступные местности в ней были пройдены им. Наконец в самой крайней части пустыни нашел он одно место, изобиловавшее различными фруктовыми деревьями и всем необходимым для жизни. Там жили два брата. Макарий спросил их, позволят ли они привести сюда иноков для жительства, - местность так привлекательна и изобилует всем нужным. Те отвечали, что нет возможности привести сюда большое число иноков. Слишком труден проход по пустыне, и легко подвергнуться соблазнам от злых духов.

- Злые духи живут в пустыне... Трудно непривычным людям устоять против их нападений и коварств. Много страха в пустыне...

Возвратившись к братии, Макарий много говорил об удобствах открытого им места, и многие воспламенились желанием идти туда вместе с ним.

Но прочие отцы укротили пыл молодых, дав им спасительный совет.

- Молва идет, что это место возделано Ианнием и Иамрием. Если это правда, не приспособлено ли оно, по действию сатаны, для нашего обольщения?.. Если оно так изобилует всем для услаждения плоти, - чего ж мы будем ожидать в будущем веке? Какую награду получим за пресыщение здесь на земле чувственными удовольствиями?

И говоря таким образом, старцы охладили пылкое рвение молодежи.

Сам Макарий жил в местности, называемой Скит. Он лежит среди обширнейшей пустыни на расстоянии суточного пути от Нитрийских обителей. Не ведет туда никакая тропинка, и нет никаких знаков, которые бы указывали путь. Туда доходят по указанию течения звезд...

Воды там мало, да и находимая вода - отвратительного запаха, пахнет как бы смолою, но не вредна для питья. Там живут только мужи, уже усовершенствовавшиеся в духовной жизни. Кто же иначе может жить в таком страшном месте, кроме людей, обладающих бесповоротной решимостью и совершенным воздержанием? Но живут все между собою во взаимной любви и с сердечным радушием принимают, кто бы к ним не пришел.

Однажды некто принес святому Макарию ветвь виноградной лозы. По чувству братской любви, ища не своих си, но яже суть ближнего своего, он отнес ее к другому брату, на ту пору захворавшему. Тот воздал благодарность Богу за услугу брата, но сам ею не воспользовался - отнес, по тому же побуждению, к другому брату, тот - к третьему, и так она обошла по всем келлиям, рассеянным по пустыне, и никто не знал, кто первый послал ее. Наконец она снова пришла к Макарию. И возрадовался Макарий, увидав такое воздержание, такую любовь между братиею - и возгорелся духом еще к большим подвигам.

Вот что еще передавали нам, с полной достоверностью, слышавшие от самого Макария. Однажды ночью постучался к нему в келлию злой дух.

- Вставай, авва Макарий, пойдем на всенощное бдение! Братия уже собрались...

Но муж, исполненный благодати Божией, не мог подвергнуться обману, понял, что его обманывает злой дух.

- О, лжец и враг истины! - воскликнул он. Что общего, что близкого у тебя с собранием святых?

- А вот тебе неизвестно, Макарий, что без нас не обходится ни одно собрание иноков, - сказал диавол. Поди-ка, посмотри на наши дела...

- Да запретит тебе Господь, демон нечистый! - воскликнул авва Макарий.

И, приступив к молитве, он стал просить Господа открыть ему, есть ли сколько-нибудь правды в похвальбе диавола. И пошел на торжество всенощного бдения. Там он снова просил Господа о том же. И вот он видит, как по всей церкви прыгают и точно на крыльях перелетают с одного места на другое какие-то недоростки - эфиопы, безобразные на вид. В собрании был такой порядок: один читал псалмы, другие сидели и слушали или отвечали известными возгласами. Рассеявшиеся по церкви эфиопы, подпрыгивая к каждому, точно заигрывали: кому двумя пальцами закроют глаза, и тот начинал дремать; другому вложат палец в рот, и тот уже зевал... Вот окончилось чтение псалмов, и братия поверглись для молитвы пред Богом: тут пред одним промелькнет вдруг образ женщины, пред другим - вид какой-нибудь постройки и переноски чего-нибудь, пред всеми вообще - то одно, то другое... И лишь только злые духи представят что-нибудь, как актеры в театре, это и войдет в сердце молящегося и породит помышления... Но бывало и так: вот подбежали злые духи к молящемуся с каким-нибудь обманом, - вдруг стремглав отскакивали, точно гонимые какой-то силою, и не осмеливались более ни остановиться, ни мимо пройти около таковых... За то к другим, более слабым братиям они вскакивали на шею, на спину: видно, те невнимательно молились... Видя это, святой Макарий тяжело вздохнул и, проливая слезы, воскликнул:

- Не премолчи, ниже укроти, Боже! (Пс. 82,2). Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящие Его, яко душа наша наполнилась поруганий (Пс. 67,2).

Молитвословие окончилось, и святой Макарий пожелал удостовериться в истине видения. Призвав каждого из братий порознь, над которыми в различных видах издевались злые духи, спрашивал их, не думали ли они во время молитвы о постройках, или о дороге, или о чем-либо другом, соответственно демонским внушениям, и каждый действительно признавался в том, в чем обличал его Макарий. Отсюда ясно, что все суетные и посторонние помышления, которые овладевают душой во время чтения псалмов или молитвы, порождаются от внушения демонов. Напротив - кто строго хранит свое сердце, от того бегут гнусные эфиопы. Устремленная к Богу и собранная в себе самой душа, особенно внимательная во время молитвы, не воспринимает ничего чуждого, ничего постороннего.

Святой Макарий рассказывал о бывшем ему еще более страшном видении. Братия приступали к принятию святых Тайн. Лишь только иные простирали длани для принятия святых Тайн, эфиопы как бы предупредив священника, клали на руки некоторых уголья, между тем как Тело Христово, преподаваемое священником, возносилось обратно к алтарю. Напротив - когда более достойные из причастников простирали руки к алтарю, злые духи отступали от них и далеко убегали с великим ужасом. Видел он так же, что ангел Господень предстоял алтарю, вместе с рукой священника простиравший свою руку к алтарю и участвовавший в преподании святых Тайн. И с того времени почил на нем благодать Божия, открывавшая ему, как, во время бдений, при чтении псалмов и молитвах, кто-нибудь из братии, по внушению злых духов, предавался помышлениям, и не укрывались от него ни недостатки, ни достоинства братий, приступавших к алтарю.

Однажды, встретившись на пути к какому-то брату, оба Макария - человеки Божии вместе взошли на корабль для переправы через реку. На том же корабле находились некоторые трибуны, люди богатые и властные. При них было много коней, прислуги и разной поклажи. Один из трибунов, заметив двух иноков в дальней части корабля в дешевой одежде и без всякой поклажи, обратился к тем со словами:

- Блаженны вы, отрекшиеся от мира и ничего не имеющие в нем, - кроме самого бедного одеяния и ничтожного количества пищи!

- Правду ты сказал: кто последует Богу, те не привязываются к миру, - ответил один из Макариев. Но нам жаль, что вы, напротив, преданы миру.

Тронутый этими словами, трибун, возвратившись домой, немедленно оставил все, что имел и, раздав нищим, стал служить Богу, посвятив себя иноческим подвигам.

Много и другого досточудного передавали нам, как мы выше сказали, о деяниях святого Макария Александрийского. Кто пожелает, может найти описание их в 11 книге церковной истории.

Об Аммоне.

Передавали нам, что начало пустынножительства в Нитрии положил Аммон, - тот самый, душу которого, по разлучении ее с телом, видел возносящуюся на небо святой Антоний, как видно из жизнеописания блаженного Антония. Аммон был сын богатых и благородных родителей. Они принуждали его вступить в брак. Аммон исполнил волю родителей. Брак состоялся. Молодые были отведены в брачный покой и остались совершенно одни. И начал тогда Аммон говорить своей молодой супруге о целомудрии и хранении девства.

- Растление без сомнения и поведет к тлению. Напротив - целомудрие породит нетление. Лучше нам обоим сохранить девство, чем потерпеть друг от друга растление.

Девица согласилась с ним, и взаимным молчанием охранялась тайна целомудрия. Прошло много времени. Только один Бог был свидетелем их воздержания. Соединенные более духом, чем плотью и кровью - после смерти родителей они разлучились: муж поселился в ближайшей пустыне, а жена осталась дома. В скором времени она собрала к себе много дев, посвятивших себя Богу, а муж ее - великое множество отшельников.

Когда он еще в глубоком уединении пребывал в пустыне, привели к нему юношу, подвергнувшегося бешенству от укушения бешеной собаки. Родители просили помолиться за него.

- Зачем вы утруждаете меня? - сказал Аммон. То, о чем вы просите, выше моих заслуг. Впрочем не скрою от вас, что его исцеление зависит от вас самих. Возвратите вдовице украденного вами вола, и ваш сын получит здравие.

Родители затрепетали, видя, что втайне совершенные ими поступки известны человеку Божию. Вместе с тем они возрадовались, что он указал им путь к выздоровлению больного. Похищенное немедленно было возвращено, и юноша, по молитве человека Божия, получил исцеление.

Однажды пришли к нему посетители. Желая испытать их, он указал, что ему необходима бочка для воды на случай прихода посетителей. Ему обещали доставить ее. Но один из пришедших счел это для себя тягостным:

- Я боюсь за своего верблюда, если возложить на него такую тяжесть.

- У тебя верблюд, а у меня осел, ответил другой. Твой верблюд не донесет тяжести, а мой осел, по твоему, донесет?!

- Делай, как знаешь! - возразил первый. Было бы тебе известно: я не стану губить своего верблюда.

- Хорошо! - ответил второй. Я возложу на моего осла ношу, которую ты считаешь тяжелой для верблюда. Святость человека Божия и невозможное сделает возможным.

И, возложив бочку на осла, пришел он к человеку Божию. Осел и не почувствовал на себе никакой тяжести.

- Хорошо ты сделал, что привез бочку на осле, - сказал Аммон.

Верблюд-то у твоего товарища пал...

И, возвратившись, человек тот нашел все так, как предсказал слуга Божий.

Много и других знамений явил чрез него Бог. Нужно ему было перейти реку Нил, и он затруднялся раздеваться, - силою Божией внезапно перенесен был на другой берег. Припоминали нам, что блаженный Антоний много удивлялся его праведной жизни и духовным совершенствам.

О Павле препростом.

Между учениками святого Антония был Павел, по прозвищу "препростой". Вот что было началом его обращения. Однажды он застал свою жену на месте прелюбодеяния. Не сказав ни слова, он ушел в глубокой печали из дома. Удалившись в пустыню, он долго блуждал там с тоскою в сердце. Достигши обители Антония, он решил остаться здесь по удобству местности. Явившись к Антонию, Павел стал просить его указать ему путь спасения. Заметив простосердечие пришельца, Антоний сказал ему, что он может достичь спасения, если будет слушаться его внушений. Павел отвечал, что он будет исполнять все, что ему будет приказано. Антоний пожелал испытать твердость его обещания. Павел стоял у входа в келию, и Антоний сказал ему:

- Молись и ожидай меня здесь, пока я не выйду.

Удалившись в глубину пещеры, Антоний не выходил целые сутки. Незаметно для Павла, он часто смотрел на него из оконца: Павел непрестанно молился и неподвижно стоял на указанном месте, не смотря на зной солнца и холод ночи.

На другой день Антоний вышел из пещеры и стал наставлять его тому, как он может облегчить себе уединение рукоделием.

- Телесный труд исполняется руками, а дело Божие требует созерцания ума и сосредоточенности духа.

Затем Антоний повелел ему пищу принимать под вечер, но запретил наедаться досыта. В особенности советовал воздерживаться от излишества в питье воды, которое возбуждает воображение, подобно тому, как плоть разгорячается от вина.

Подробно наставив, Антоний поселил Павла по соседству с собой, указав ему келию в трех милях расстояния от своего жилища и повелел ему подвизаться, исполняя его наставления. Часто навещая его, Антоний радовался, видя, что он со всем усердием и бодростью исполняет все, чему был научен.

Однажды посетили Антония братья, великие и совершенные мужи. Случилось придти вместе с ними и Павлу. Зашла беседа о предметах глубоких и таинственных. Много говорили о пророках и Спасителе нашем. Павел в простоте сердца спросил: "кто жил на земле прежде: Христос или пророки?" Блаженный Антоний, смутившись немного от детской простоты такого вопроса, с ласковым движением, обычным ему при обращении с простецами, приказал ему молчать и идти домой. Тот, исполняя все слова Антония, как заповеди Божии, возвратился к себе в келлию и совсем перестал говорить, как бы получив на то повеление. Узнал об этом Антоний и недоумевал, почему ему вздумалось хранить молчание, когда он ему того не заповедал. Повелев ему говорить, спросил:

- Скажи мне, зачем ты хранишь молчание?

Ты, отче, отвечал Павел, сказал мне, чтобы я шел домой и молчал.

Антоний был изумлен... Попросту сказанное слово было так свято соблюдено...

Ну! воскликнул он, он всех нас пристыдил. Мы не слушаем того, что нам говорят с неба, а он исполняет всякое слово, случайно сорвавшееся с языка...

Желая научить его полному послушанию, святой Антоний обыкновенно запрещал ему спрашивать о цели и причине того, чем испытывалось

его послушание. Так однажды он приказал ему в течение всего дня черпать воду из колодезя и выливать на землю; в другой раз - расплетать и снова сплетать корзины или распарывать одежду и снова сшивать, и снова распарывать, и многое другое в таком же роде... И научился Павел без всякого противоречия исполнять все, что бы ему не приказывали, хотя бы то и противоречило смыслу... Таким-то образом достиг Павел высоты духовного совершенства. И указывая на него, блаженный Антоний поучал:

"Желающий в возможной скорости достигнуть совершенства, не должен быть ни учителем сам себе, ни следовать собственным желаниям, как бы они ни казались правильными, но, по заповеди Спасителя, - отречься прежде всего от самого себя и отвергнуть свои желания. Спаситель Сам о Себе сказал: яко снидох с небес не да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца (Иоан. 6,38). Бесспорно, воля Христа была не противна воле Отца: однако Пришедший научить послушанию не оказался бы послушным, если бы творил Свою волю. Не тем ли более мы окажемся виновными в непослушании, если будем исполнять свои пожелания? Вот этот Павел образец всем нам! Своим послушанием и простотою духа он достиг столь высокой степени благодатных дарований, что Господь явил чрез него гораздо большие силы, чем чрез самого его наставника"...

И вот по избытку духовных дарований Павла много народа стало стекаться к нему из разных стран для получения исцелений. Блаженный Антоний начал опасаться, как бы он не скрылся в глубину пустыни, избегая докучного многолюдства. Конечно, туда к нему не многие могли бы прийти. И повелел он ему оставаться на том же месте, взяв на себя прием приходящих. Кого же не мог исцелить, тех отсылал к Павлу, как получившему от Бога большую благодать исцелений, и Павел исцелял их. Принял он однажды бесноватого, который, подобно бешеной собаке, кусал всякого, подходившего к нему. Усердно молился Павел, да изженет демона, мучившего несчастного. Но исцеление не совершалось... Павел в простоте своего сердца вдруг, подобно малым детям, воскликнул:

- Не буду же я есть сегодня, если Ты не исцелишь его!

И Бог послушался Павла, подобно слуге капризного хозяина, и бесноватый получил здравие.

Такую веру и упование на Господа имел Павел!

О пресвитере Пиаммоне.

Нельзя пройти молчанием обитателей пустыни прилегающей к Порфенийскому морю и граничащей с областью города Диолка. Мы видели там одного дивного пресвитера, по имени Пиаммона, отличавшегося совершенным смирением и кроткой снисходительностью. Ему дана была благодать откровений. Однажды принося бескровную жертву Господу, он увидел близ престола ангела Господня: у него в руках была книга, в которой он записывал имена иноков, приступавших к святому престолу. Старец внимательно замечал, чьи имена пропускал ангел. После окончания литургии он призвал к себе порознь каждого из пропущенных ангелом и спрашивал, нет ли у него на совести какого-нибудь втайне совершенного греха. И при этой исповеди открыл, что каждый из них был повинен в смертном грехе... Тогда он убеждал их принести раскаяние и, сам вместе с ними повергаясь пред Господом, день и ночь со слезами молился, как бы причастный их грехам. И пребывал он в покаянии и слезах до тех пор, пока снова не увидел ангела, предстоявшего престолу и записывавшего имена приступавших ко святым Тайнам. Записав имена всех, ангел стал даже по именам называть каждого, приглашая приступить к престолу для примирения с Богом. И, увидав это, старец понял, что принято их раскаяние и с радостью допустил всех к престолу.

Говорили про него, что однажды он жестоко избит был злыми духами, до того, что не мог ни стоять, ни двинуться с места. Настал Воскресный день, надобно было совершать литургию. Пиаммон приказал братии на руках принести его в алтарь. Он лежал на полу и молился. И вот ангел Господень, являвшийся ему у престола, простирает ему руку и воздвигает его от земли. Болезнь мгновенно исчезает, и он чувствует себя гораздо лучше, чем прежде.

Об Иоанне.

Жил в тех местах святой муж, полный благодати Божией, по имени Иоанн. Он обладал таким чудным даром утешения, что - какою бы скорбью, каким бы горем ни была подавлена душа, - от немногих, сказанных им слов, вместо тоски исполнялась радостью и весельем. И, вместе с тем, дана была ему от Бога обильная благодать исцелений...

Эпилог.

О трудностях путешествия по пустыням.

Во многих и других местах Египта, там и сям, видели мы святых Божиих, проявляющих великие силы, совершающих чудеса и исполненных благодати Божией. Писать подробно обо всех - выше сил наших.

Об отцах, живущих в верхней Фиваиде, близ Сиены, мы знаем только по слуху: все они, говорят, выше и славнее тех, кого мы видели. Посетить их самих мы не могли вследствие опасности путешествия. В Египте все вообще местности не безопасны от нападения разбойников, но - выше города Ликоса уже встречаются варварские племена... Потому у нас не было никакой возможности побывать там, да и сказать правду, не мало натерпелись страху, посещая и те-то места, о которых мы говорили.

Семь раз во время путешествия мы подвергались серьезной опасности и в восьмой раз, как написано, опротивела душе моей жизнь моя (Иов. 10,1). Но Бог хранил нас.

Однажды мы шли по пустыне непрерывно пять дней и ночей, и совершенно изнемогли от жажды и усталости.

В другой раз мы попали в горную долину, с источниками соленой воды. Палящий зной солнца превратил воду в соль, подобно тому, как зимою иней обращается в лед. По всему пути из земли высывались острые колья из соли, и дорога была так затруднительна, что не только мы, босые, но и обутые терпели уколы и царапины. Едва-едва мы выбрались из этого места.

В третий раз в пустыне мы пришли в лошину или, лучше сказать, в болото, с застоявшейся водой. Дно его было усеяно камнями и вонючей тиной. Мы переходили по пояс в воде. Чуть-чуть болото не затянуло нас. Мы воскликнули словами псалма, взмолившись Богу: спаси мя, Боже, яко внидоша воды до души моея. Углебох в тимении глубины и несть постоания (Пс. 68,2).

В одном месте застоялась оставшаяся от разлития Нила вода. Три дня мы шли в этой воде и едва смогли выбраться...

Однажды, идя по берегу моря, мы подверглись нападению разбойников. Они гнались за нами на расстоянии десяти тысяч шагов, догнать не могли, но измучили нас до полусмерти...

В другой раз мы едва было не потонули, переправляясь через Нил. Переплывали озеро Мареотис. Забушевал ветер, и мы были выброшены на берег. Поднялась ужасная буря. Это было в день Богоявления.

На пути к Нитрийским обителям мы зашли в одно место, где так же застоялась вода от разлива Нила и образовала болото. Оно кишело зверьми, особенно - крокодилами. Выходя из воды греться на солнце, они, растянувшись, лежали по краям болота так, что их можно было считать мертвыми, особенно новичку в тех странах. Мы было подошли к ним - посмотреть на них и подивиться их громадности, как вдруг, заслышав шорох шагов наших, они бросились на нас и жестоко гнались за нами. Мы с громкими воплями призывали имя Господа Христа, и его милосердие спасло нас: звери, бросившиеся на нас, вдруг как бы гонимые ангелом кинулись в болото, а мы скорым шагом поспешили к монастырям, вознося благодарность Богу, избавившему нас от столь великой опасности и явившему над нами такое знамение, Ему же слава и честь во веки веков. Аминь.

Оригинал на сервере [Библиотека форума "Православная беседа"](#)

Copyright © 2001, 2002, [Pagez](#), webmaster@pagez.ru

					
					